

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИЙ СБОРНИК

IV

ДРЕВНЯЯ
И СРЕДНЕВЕКОВАЯ
ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ
СТРАН ПЕРЕДНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1986

О НЕКОТОРЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ
ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ИНДОИРАНЦЕВ

Среди наиболее важных, но наиболее дискуссионных проблем истории Старого Света остается проблема происхождения индоевропейских и, в частности, индоиранских народов. За последние два столетия прародину последних локализовали то в Индии, то в Средней Азии, то на Памире, то в арктической зоне, то на Дунае, то в Северном Причерноморье, то в Иране и Передней Азии. Критический анализ выдвигаемых гипотез, данный в работах Э.А. Грантовского (1970, с. 7–32) и Б.Г. Гафурова (1972, с. 33–43), избавляет от необходимости подробно характеризовать точки зрения различных авторов¹. И в настоящее время как в лингвистике, так и в археологии существуют два альтернативных и взаимоисключающих определения центра расселения индоиранцев.

В начале XX в. среди лингвистов в европейской науке наибольшее признание получила гипотеза о локализации индоевропейской прародины в Европе и последующем отделении индоиранцев в конце III — начале II тыс. до н.э. и уходе части из них с прародины через евразийские степи на юг в Индию и Иран². Этой точки зрения придерживались В.Гейгер (1882), О.Шрадер (1883, 1935), Эд.Мейер (1908), В.В.Бартольд (1922), Э.Бенвенист (1934), В.Пизани (1933), Г.Камерон (1936), А.Мейе (1938), А.Кристенсен

¹

Библиографию перечисляемых ниже на с. 169, 170 работ см.: Э.А. Грантовский (1970); Б.Г. Гафуров (1972).

² При этом некоторыми авторами предполагается, что часть иранцев — предки скифов и, вероятно, киммерийцев — остались на месте, в Европе. Другие исследователи допускают возврат скифов в Европу из Казхстана в I тыс. до н.э.

Расходятся мнения исследователей и о путях переселения индоиранцев с южнорусской прародины или через Среднюю Азию (И.М. Дьяконов и большинство других исследователей), или через Кавказ (П.Кречмер, Э.А. Грантовский, К.Йетмар, В.Бранденштейн, Р.Гиршман).

(1943), Э.Герцфельд (1947), а в настоящее время — такие специалисты по индоевропейским и индоиранским языкам, как Т.Барроу (1955, 1973, с.123—140; 1976, с.9—36), Х.Бейли (1955; 1957), В.Георгиев (1958, с.245), Р.Хаушильд (1962), В.Бранденштейн (1964), В.Порциг (1964, с.97, 228, 238), М.Майрхофер (1966, 1974), Р.Фрай (1972, с.29—33), Г.Моргенштерне (1973), М.Бойс (1975), Я.Харматта (1981, с.75—82).

Среди советских ученых ее отстаивают В.В.Струве (1955, с.591), И.М.Дьяконов (1956, с.124, 125, 149—151; 1958, с.23, 24, 29; 1960, с.199; 1981, с.90—100; 1982), И.Алиев (1960, с.108—111), М.М.Дьяконов (1961, с.40—42, 64), И.М.Оранский (1963, с.20—35; 1979, с.51, 61—65), В.И.Абаев (1965, с.4, 118—140; 1972, с.26—37; 1981, с.84—88), Г.М.Бонгард-Левин (1969, с.121—131), Э.А.Грантовский (1970, с.358—360), Г.М.Бонгард-Левин, Э.А.Грантовский (1983, с.154—202), Т.Я.Елизаренкова (1972, с.4—8), Б.Г.Гафуров (1972, с.28, 33—43), М.А.Дандамаев (1980, с.39—43) и до недавнего времени В.В.Иванов и В.Н.Топоров (1960, с.10—22; В.В.Иванов, 1963, с.11—18). При этом В.Георгиев (1958, с.280—282) высказывал мысль, что древнейшими индоиранцами могли быть носители культуры могил "красной охры", т.е. ямной. И.М.Дьяконов (1961) помещал индоиранскую прародину в Юго-Восточной Европе, к востоку от трипольской культуры. Э.А.Грантовский (1960, с.351—357) считал, что "эпоха ямной культуры может соответствовать общеарийскому периоду", М.М.Дьяконов (1961, с.40—42, 64) и Э.А.Грантовский (1970, с.359—360) непосредственно связывают культуру иранцев или индоиранцев со срубной и андроновской культурными общностями, а И.М.Дьяконов (1956, с.124; 1960, с.199), В.Бранденштейн (1964, с.3), Т.Барроу (1973, с.126), М.Бойс (1975) — только с андроновской.

Выводы этих лингвистов принимает большинство археологов, изучающих культуру евразийских степей и Средней Азии II тыс. до н.э.: С.П.Толстов (1948, с.68; 1962, с.59), А.Н.Бернштам (1957, с.18—19), С.С.Черников (1957; 1960, с.112), К.Ф.Смирнов (1957б, с.8—14; 1964; он же и Е.Е.Кузьмина, 1977), В.М.Массон (1959, с.116, 117), М.А.Итина (1977, с.232—236), Н.Я.Мерперт (1966а, с.149—160; 1974, с.14), Б.А.Литвинский (1962, с.291—295; 1963, с.127—133; 1964; 1967, с.122—126; 1981, с.160—162), Е.Е.Кузьмина (1972а,б; 1974; 1981а), А.М.Мандельштам (1966, с.258; 1968, гл.V, VI), К.А.Акишев (1973), В.Ф.Геминг (1977), А.Д.Пряхин (1977, с.134—137), М.Н.Погребова (1977, с.133—140, 170); Н.Л.Членова (1980, с.66—67; 1983), С.С.Березанская (1982, с.206—209) и др.

По их мнению, археологический материал культур бронзового века евразийских степей и Средней Азии не противоречит этой гипотезе лингвистов и подтверждается устанавливаемой археологически прямой генетической связью

ираноязычных скифов, савроматов и саков с носителями преществующих срубной и андроновской культур³.

Однако специалистами по археологии Ирана была выдвинута другая гипотеза, согласно которой прародина индоиранцев находилась на территории Ирана. Носителями индоиранской речи этими исследователями признаются создатели серо-черной керамики последней четверти II тыс. до н.э., причем предполагается ее возникновение в Восточном Иране и Средней Азии и непрерывное развитие единой керамической традиции по крайней мере с III тыс. до н.э. (Гиссар III, Шах-тепе), что и рассматривается как главный аргумент в пользу тезы об иранской прародине мидийцев и персов и их миграции с востока на запад. Вопрос же о происхождении другой группы иранцев: саков, савроматов и скифов в степях, бактрийцев, согдийцев и пр. в Средней Азии — вообще не ставится. Эту гипотезу разделяют Л.Ванден-Берге (1964, с.37), К.Янг (1965, с.72), Р.Дайсон, Ж.Дее (1969)⁴.

Связь индоиранцев с носителями серо-черной керамики уже неоднократно подвергалась серьезному критическому анализу А.М.Мандельштамом (1964, с.192—194), Е.Е.Кузьминой (1975, с.65), В.Г.Луконым (1977, с.13—15, 18), С.Клезье (1982) и особенно И.Н.Медведской (1977, с.169—175; 1978, с.7—9, 14—18) и Э.А.Грантовским (1981, с.245—272), показавшими, что, во-первых, развитие серой керамики не было непрерывным, а во-вторых, серая керамика отнюдь не идентична в разных локальных вариантах и встречается в различных археологических контекстах; главное же, серая керамика господствует в тех областях Ирана, где, по данным письменных источников, в конце II тыс. до н.э. обитало заведомо неираноязычное население — хурриты, урарты, касситы, кутии, луллубеи, эламиты. Таким образом, вопрос о непосредственной связи серой керамики с индоиранским этносом остается крайне спорным.

Своеобразную позицию занял Р.Гиршман в 1977 г. Прародину индоариев и иранцев он помещает в Юго-Восточной Европе по соседству с ареалами других индоевропейских народов, но предполагает очень ранний распад индоиранской общности в IV тыс. до н.э. и миграцию индоариев в Месопотамию и Иран. Приход же с прародины другой волны — иранцев — он относит лишь к рубежу II—I тыс. до н.э.,

³ В установлении преемственности савроматской и сакской культур с культурами бронзового века особенно важные результаты получены К.Ф.Смирновым (19576; 1964), К.А.Акишевым (1973) и Б.А.Литвинским (1972).

⁴ К ней присоединяется К.Йеттмар (1956, с.327—342), первоначально считавший андроновцев индоиранцами, но позже вслед за В.Н.Черновым признавший их финно-уграми.

связывая с иранцами такие различные по культуре комплексы, как Сялал А и В, Яз I и памятники архаического Дахистана⁵.

Крайнюю позицию в споре занимает И.Н.Хлопин (1970а, с.94–112; 1970б, с.57–58; 1970в, с.88–99). Не рассматривая вопроса об индоевропейской прародине и возможном с точки зрения индоевропейистики времени выделения индоиранцев и распада их общности, он постулирует земледельческий характер их хозяйства, допускает существование индоиранцев в Иране и на юге Средней Азии уже с IV тыс. до н.э. и, более того, считает возможным связать генезис андроновской культуры с анауской культурой, видя в андроновцах изгнанных из земледельческих коллективов "изгоев", вынужденных переселиться в неплодородные пустынные области на севере, где им пришлось перейти к преимущественно скотоводческому хозяйству (1970г, с.95), навязав аборигенам-охотникам навыки земледелия, скотоводства, гончарства и металлургии и иранский язык, который они в дальнейшем разнесли с юга на север по степи (1970в, с.98–99). Против гипотезы И.Н.Хлопина выступила Е.Е.Кузьмина (1972а, с.137, 142) и все исследователи андроновской культуры, ни один из которых не считает возможным генетически связывать андроновскую культуру с анауской.

Мнение о локализации индоиранской прародины в Иране отстаивает В.И.Сарианиди (1977, с.113, 143–150, 158), связывая, однако, с иранцами не серую керамику, а керамический комплекс Бактрии. Полемизируя с В.М.Массоном, он постулирует миграцию во II тыс. до н.э. ираноязычных племен на восток и север из Ирана, где их предполагаемая восточнохорасанская культура пока не открыта; с восточнохорасанской культурой он связывает не только земледельческие комплексы Бактрии, но и могильники пастухов бишкентской и вахшской культур; принадлежность к индоиранцам андроновцев категорически отвергается (1977, с.149), предполагается также вторичная миграция с юга из Афганистана носителей керамического комплекса расписной керамики Тилля-тепе; вопрос же о происхождении других ираноязычных народов и локализации общеиндоевропейской прародины не ставится вообще.

Положения В.И.Сарианиди оспариваются А.А.Аскарковым (1977, с.156), вслед за В.М.Массоном предполагающим сложение земледельческой культуры Бактрии в результате миграции из Южного Туркменистана, и И.Н.Хлопиным, опро-

⁵ Критический анализ положений Р.Гиршмана см. (Лелеков Л.А., 1978, с.220–226). Возражения по поводу признания Ирана и юга Средней Азии центром появления в Старом Свете конных колесниц см. (Кузьмина Е.Е., 1980а, с.28).

вергающим более ранний возраст тиллятепинского комплекса по сравнению с аналогичными комплексами Средней Азии (Яз I — Кучук).

Итак, ни гипотеза о связи серо-черной керамики II тыс. до н.э. с иранцами и их происхождении в Восточном Иране и последующей миграции на запад, ни альтернативное предположение о связи светлоангобириванной (бактрийской) керамики II тыс. до н.э. с иранцами и их происхождении в Восточном Иране и последующей миграции на восток не являются ни доказанными, ни общепризнанными. Более того, сопоставление гончарной керамики Ирана ахеменидского времени с синхронными керамическими комплексами Бактрии, Маргианы, Согда и Хорезма с несомненностью позволило нам установить различный генезис керамических традиций двух групп ираноязычного населения и независимое от иранского формирование керамического комплекса Средней Азии ахеменидской эпохи на основе бактрийского комплекса эпохи бронзы (Кузьмина, 1972а, с.143—146).

Эти выводы подтвердились на новых материалах В.И.Сарианиди (1977, с.116, 151); к тем же заключениям независимо пришел Ж.-К.Гарден (Cattena, Gardin, 1977, с.225—246), подвергший статистическому анализу большие серии керамики Ирана. Коль скоро у народов VII—IV вв. до н.э., заведомо принадлежащих к единой иранской языковой семье, бытовали различные традиции керамического производства, гончарная посуда не может рассматриваться как достоверный этнический показатель.

Следовательно, ни одна из взаимоисключающих археологических гипотез о локализации прародины индоиранцев и путях их миграций в настоящее время не доказана окончательно.

В то же время и в лингвистике поколеблена господствовавшая около ста лет гипотеза о прародине индоевропейцев в Европе.

Недавно Т.В.Гамкрелидзе и В.В.Ивановым (1972, с.19—23; 1980а,б; 1981) была предложена новая реконструкция индоевропейского праязыка, в котором, по их мнению, были выявлены схождения с южнокавказскими и семитскими языками, установлена лексика, свидетельствующая о более высоком, чем предполагалось ранее, уровне хозяйственного и культурного развития; найдены названия южной флоры и фауны и горного ландшафта, что, вместе с другими лингвистическими фактами, послужило основанием переместить прародину индоевропейцев из Европы в Переднюю Азию и локализовать ее в IV тыс. до н.э. в период существования общеиндоевропейского языка перед его распадом на севере Малой Азии, откуда хетто-лувийцы и греки незначительно сместились на запад, протоиндоиранцы — незначительно на восток, в северную часть Иранского плоскогорья, а оттуда позже индоарии проследовали одни — на запад, в Митанни, другие — на восток, в Индию, тохары же и носители

древнеевропейских диалектов (италики, кельты, германцы, балты, славяне, а позже также ранние иранцы) несколькими последовательными волнами в III-II тыс. до н.э. мигрировали через Среднюю Азию в Северный Прикаспий и далее в Поволжье и Северное Причерноморье⁶, откуда позднее, в конце II тыс. до н.э., расселились по всей Европе и вновь попали на древний Восток (миграция "народов моря"); последние тем же путем с территории Ирана через Среднюю Азию прошли восточные иранцы (скифы, сарматы).

Точка зрения В.В.Иванова — Т.В.Гамкрелидзе сейчас находится в центра дискуссий лингвистов, подвергнута тщательному анализу И.М.Дьяконовым (1982, с.3–30). Обсуждается она и археологами и другими специалистами (Мерперт, 1980, с.39–42; Кузьмина, 1980а, с.34–36; Лелеков, 1982, с.31–37).

Итак, как в лингвистике, так и в археологии противостоят две основные взаимоисключающие гипотезы о локализации прародины индоиранцев или в евразийской степи, или в Иране и Передней Азии, причем степи Средней Азии, Казахстана и Северного Прикаспия в обеих гипотезах занимают ключевое положение, являясь территорией миграции или большинства индоевропейцев (В.В.Иванов — Т.В.Гамкрелидзе), или только индоиранцев.

При рассмотрении индоиранской проблемы, которая может решаться лишь как часть общиндоевропейской, определяющее значение принадлежит, естественно, лингвистическим данным. Их анализ находится вне моей компетенции. Однако установление генетической преемственности археологических культур, отражающее сохранение единого этноса, и определение времени и направления миграций, отражающих возможную смену этносов и указывающих на пути этнических передвижений, может решаться в первую очередь на археологическом материале. Поэтому индоиранская проблема должна рассматриваться комплексно.

Представляется, что археологическая проверка двух лингвистических гипотез происхождения индоиранцев сводится к рассмотрению четырех основных аспектов: I — отражение разных типов миграций в археологическом материале; II — основные пути распространения влияния переднеазиатской цивилизации в евразийских степях в эпоху становления производящего хозяйства; III — время и направление миграций в степях на протяжении II тыс. до н.э.; IV — сложение культурного комплекса различных индоиранских народов и выявление генезиса отдельных категорий их материальной и духовной культуры.

⁶ Первоначально предполагалось соотнести культуру праиндоевропейцев с куро-аракской археологической культурой, от чего авторы позднее, видимо, отказались. С культурой древних европейцев на восточной прародине в Северном Причерноморье соотносится ямная археологическая культура.

I. АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОТРАЖЕНИЕ МИГРАЦИЙ

Уже отмечалось, что миграции в различных культурно-хозяйственных зонах по-разному отражаются в археологическом материале (Кузьмина, 1981а, с.103-104).

I тип. Миграция в пределах единой культурно-хозяйственной зоны отражается: 1. как расширение территории археологической культуры, вытесняющей аборигенную (колонизация); 2. как расширение территории археологической культуры, подчиняющей аборигенную (ассимиляция); 3. как проникновение элементов одной или нескольких археологических культур на новую территорию и образование там в результате взаимодействия нескольких компонентов новой археологической культуры (интеграция).

II тип. Миграция из более отсталой культурно-хозяйственной зоны в более передовую отражается прежде всего в сфере идеологических представлений, а не в сфере материального производства, поскольку типы хозяйства, орудий труда, жилища обусловлены экологической средой и поскольку ремесленниками, как правило, остаются аборигены. Но при этом иногда появляются инновации в таких этнически определяющих и освященных религиозной традицией элементах культуры, как домашнее гончарство, архитектура жилища, одежда и т.д., иногда также оружие, принесенные с прародины.

III тип. Миграция из более передовой культурно-хозяйственной зоны в более отсталую отражается как колонизация, при которой пришельцы приносят со своей прародины весь основной комплекс материальной культуры.

Этот тип миграции следует отличать от культурного заимствования аборигенами некоторых достижений передовой цивилизации.

II. СТАНОВЛЕНИЕ ПРОИЗВОДЯЩЕГО ХОЗЯЙСТВА
В СТЕПЯХ ЕВРАЗИИ

На ранних этапах развития производящего хозяйства необычайно велико было значение географического фактора, экологических особенностей района, определявших направление экономики и темпы роста.

Вопрос о том, какова была экологическая обстановка в степях и пустынях Евразии в эпоху энеолита, остается спорным. Одни исследователи считают, что климат и ландшафт, подобные современным, сложились здесь очень давно (Яншин, 1961; Курков, 1968). Большинство же авторов полагает, что сухая пора пришла на смену периоду влажного и прохладного климата только в эпоху голоцена (Герасимов, 1937; 1956; Кассин, 1947; Федоров, 1957; Шнитников, 1969; Борисов, 1975; Динесман, 1977), что подтверждается

открытием залежей осоково-тростникового торфа на Илеке в Приуралье, присутствием в ископаемой флоре Западной Туркмении пыльца озерного камыша и белой кувшинки, характером почв Кызылкумов (Мильков, 1951, 1967; Самсонов, 1963; Виноградов А.В., Мамедов, 1975). Экологическая обстановка зависела не только от смены ксеротермических и пльвиальных периодов и трансгрессий Каспийского моря⁷, но определялась сменой уровня грунтовых вод, засолением почв и образованием соленых озер и пр. При изменении климата и уровня грунтовых вод наименее устойчива была граница между степями и полупустынями. Время окончания пльвиального периода спорно. По данным И.Е. Бучинского (1957), суббореальный сухой климат установился около 3000 г. до н.э.; другие относят наступление ксеротермического периода в степях Украины и Казахстана ко второй половине III тыс. до н.э.; так же датируют окончание льякканского пльвиала в Кызылкумах; с началом эпохи энеолита связывают образование пустынных ландшафтов в Центральном Казахстане (Ковалев, 1965). В эпоху энеолита и бронзы граница леса и степи примерно соответствовала современной (Нейштадт, 1957; Чигуряева, 1960).

В разных районах евразийской степи почвенно-климатические условия значительно варьировали (Мордкович, 1982, табл. 2, 4), и это предопределило различные пути дальнейшего развития производящей экономики. По данным академика Л.И. Прасолова, черноземы в степях составляют более 2,5 млн. га. Однако в некоторых районах, особенно на востоке, почвы малопродуктивны для занятия земледелием. Так, в Актыбинской области малоплодородные комплексные почвы составляют 40%, в Западноказахстанской — 37%, в Гурьевской — 45% всех площадей; вовсе неплодородные сероземы и бурые почвы в Гурьевской области составляют 23%, в Актыбинской — 10%, а пески занимают в Западноказахстанской области 12,2%, в Гурьевской — 16% площади. В Оренбургской области участки плодородных каштановых почв сменяются солончаками (Успанов, 1949; Мильков, 1951; Ерохина, 1959).

Климат степей суровый континентальный. Количество осадков от северных границ степи к южным уменьшается с 430 мм до 150 мм в год, а коэффициент увлажненности за счет испарения возрастает на юге в 6 раз. Некоторые районы на юге и востоке степи переходят уже в зону полупустынь (Бугаев, 1946, с. 13—23; Мордкович, 1982, с. 26).

Отличия почвенно-климатических условий степи определили специфику ее хозяйственного развития. В Месопотамии при ирригации урожайность полей составляла сам-30 (600 кг с га) (Вайман, 1961, с. 35), иногда поднимаясь до сам-100, а по Геродоту (I, 193) даже сам-200 и сам-300.

7

См. дискуссию в сборнике "Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене". М., 1980.

В зоне цивилизаций второго порядка урожайность была значительно ниже. Для Южной Туркмении вероятен урожай сам-15 (Массон, 1971, с.102), для Триполья — сам 6—8 (Бибииков, 1965, с.53). Соответственно прибавочный продукт в этих зонах был намного ниже, что и обусловило их нарастающее отставание.

В разных зонах степей урожайность полей различна, но повсеместно она была низкой. По данным XIX в., в Актюбинском уезде средний урожай был всего сам-4, а в 1909 г. пшеницы — сам-10, овса — сам-7, проса — сам-4⁸. В эпоху энеолита продуктивность хозяйства была, естественно, еще ниже. Таким образом, в евразийской степи занятие земледелием при неразвитой агротехнике и примитивных орудиях труда в некоторых районах было почти невозможно, а в остальных малоэффективно. Интенсификация хозяйства в этой географической зоне могла идти только за счет увеличения роли скотоводства. Для развития скотоводства евразийская степь представляла оптимальные условия, являясь естественным пастбищем, на большей части просторов покрытым богатейшей ковыльно-разнотравной растительностью, местами сменяющейся полынно-типчаковой. В ковыльно-разнотравной степи можно получать до 15 ц сена с га, в полынно-типчаковой — около 7 ц, а на полупустынных участках — 5 ц (Мильков, 1964, с.167—169). На одном квадратном километре разнотравной степи можно прокормить в год 6-7 голов быков и коней (Мордкович, 1982, с.185).

Евразийская степь не принадлежит к самостоятельным первичным очагам интродукции злаков и domestikации животных. Культурные злаки были впервые выведены в Передней Азии (О возникновении, 1967; Domestication, 1969; Интродукция, 1970; Лисицына, Прищепенко, 1977). Передняя Азия в свете хромосомной теории признана центром domestikации овцы (Цалкин, 1970, с.160, 266; 1972a; Воронцов и др., 1972; Шнирельман, 1980). Приручение крупного рогатого скота в Передней Азии произошло раньше, чем в Европе, так что и он, вероятно, появился в Европе уже в domestikцированном виде (Цалкин, 1970, с.131; Domestication, 1969; Domestikationsforschung, 1973; Clutton Brock, 1981).

Достижения переднеазиатской цивилизации распространялись в евразийских степях через посредство соседних зон цивилизаций второго порядка: Подунавья, Кавказа и Средней Азии, роль которых менялась на протяжении истории.

В IV тыс. до н.э.⁹ в евразийской степи-лесостепи сложились две большие и резко отличные культурные общности:

⁸ Данные по "Справочной книжке и адрес-календарю Тургайской обл. на 1911 г.". Оренбург, 1911.

⁹ Следует учитывать, что использование комбинированных дат по С 14, принятое зарубежными археологами, на 300-500 лет удвевняет наши даты.

кельтеминарская в Средней Азии, части Казахстана и Закаспии к востоку от р. Урал или Эмбы и мариупольская от Днепра до Урала (Формозов, 1977, с. 72; Васильев, 1981, с. 15). Мариупольская общность объединяла культуры днепро-днецкую (Телегин, 1968, с. 63–83), средне-донскую (Синюк, 1971; 1979; 1980), самарскую (Васильев, 1981) и прикаспийскую (Мелентьев, 1972; 1976; Кузьмина, 1980б). Причем определяющее значение, видимо, имели связи с балкано-дунайской древнеземледельческой зоной. Именно отсюда были заимствованы злаки и, судя по палеозоологическим данным, породы домашних животных (безрогий ширококорый дунайский бык), а также металл, изготовленный, судя по данным спектральных анализов, из карпатской руды (Цалкин, 1970, с. 160, 266; Формозов, 1972; Рындина, 1971).

Могильники мариупольской общности первой половины IV тыс. до н.э. вынесены за поселение, они грунтовые, содержат вытянутые погребения с охрой и иногда сопровождаются трезной — захоронениями сосудов и черепов и ног домашних животных. Керамика остро- и плоскодонная лепная, украшенная штампованным гребенчатым геометрическим орнаментом в виде рядов насечек, елки, треугольника, а на Волге и Дону также меандров.

Памятники мариупольской общности лежат в основе развития последующих энеолитических культур южнорусских степей. В настоящее время выявляется цепочка родственных и, по мнению большинства исследователей, генетически связанных культур, отражающих непрерывность развития от неолита до энеолита (Мерперт, 1968, с. 114; Васильев, 1981, с. 34–37)¹⁰. На Украине на смену днепро-днецким памятникам приходят родственные среднестоговские; в Поволжье на основе самарской и прикаспийской культуры вырастает хвалынская культура (Телегин, 1973; Васильев, 1981, с. 22–42), датируемая не позже второй половины IV тыс. до н.э.

Лепная керамика по-прежнему украшается геометрическим штампованным декором, а на Украине на позднесредне-стоговских памятниках впервые появляется гусеничный, а затем шнуровой декор. На смену вытянутым погребениям появляются скорченные, они по-прежнему посыпаны охрой и сопровождаются жертвенниками с костями животных. Существенно подчеркнуть появление в могильниках этого времени богатых и бедных захоронений, свидетельствующих о начавшемся процессе социального расслоения.

Следующий этап этого развития представляют памятники ямной культурной общности, характеризующиеся подкурган-ными захоронениями с охрой. Ямная культура III тыс. до н.э.

¹⁰ Следует отметить, что ссылки некоторых лингвистов на М. Гимбутас некорректны, так как ее работы компилятивны, а порой и тенденциозны и сейчас безнадежно устарели.

распространяется на огромные территории от Урала до Дуная (Мерперт, 1968).

На всех этапах энеолита южнорусских степей сохраняются активные связи с земледельцами Украины и Подунавья, документируемые находками трипольских импортов (Телегин, 1968, с. 124, 190 сл.; Мовша, 1961), меди балканского происхождения (Черных, 1978, с. 55, 58, 59), распространением от Балкан до Урала одинаковых типов жезлов (Мерперт, 1968).

Доказательство активных контактов с Кавказом — второй соседней со степью зоной древнеземледельческих культур — для периода перехода к производящей экономике пока нет. Роль Кавказа в распространении в степях скотоводства не выявлена (Формозов, 1972). Видимо, значение Кавказа очень возросло лишь после упрочения в степях земледелия и скотоводства — с III тыс. до н.э. В ямную эпоху оттуда в степь поступали готовые металлические изделия, высококачественная керамика, повозки (Черных, 1966, с. 85, 86, карты 3, 4; Мерперт, 1968, с. 19, 23–25; Piggott, 1969; Эрдниев, 1975, с. 16–17; Кузьмина, 1974). Кавказское воздействие особенно ощущается в таких комплексах, как Михайловка II, Староселье, Константиновка.

Отмечается и инфильтрация ямных племен на юг: ямные погребения исследованы у станиц Мекенская и Кубанская на Тереке и Кубани, а ямные стелы обнаружены у Главного Кавказского хребта, прослеживается взаимодействие ямной культуры с майкопской (Чеченов, Батыев, 1975, с. 15–16; Крупнов, Мерперт, 1963; Мерперт, 1968, с. 19, 23–25).

Что касается юга Средней Азии — третьей соседствующей с евразийской степью земледельческой зоны цивилизаций второго порядка, то, по-видимому, в IV–III тыс. до н.э. эта область не оказывала существенного воздействия на сложение производящего хозяйства в евразийской степи¹¹.

11

Гипотеза В.Н.Даниленко (1974, с. 85, 116–118) и М.Гимбутас об определяющей роли восточного импульса в становлении в степях производящего хозяйства и распространении скотоводства из Средней Азии через Прикаспий не соответствует установленным фактам: 1. предположение об иссушении Прикаспия и Средней Азии опровергается палеогеографическими данными о льяляканском плювиале и каспийской трансгрессии; 2. предположение о развитии скотоводстве у кельтеминарцев не соответствует палеозоологическим данным об отсутствии у них домашних животных; 3. предположение об очень раннем возникновении овцеводства в Южном Прикаспии основано на весьма спорных данных; 4. предположение о формировании ямной культуры в Средней Азии на основе культур типа верхних слоев Джебела и Заман-баба опровергается, во-первых, типологическим отличием материалов обоих памятников от древнеямного; во-вторых, тем, что оба памятника намного позже не только самарской культуры, но и древнейшего этапа ямной: дата III слоя Джебела и могильника Заман-баба — конец III — начало

Одной из причин этого была специфика экологических условий, сложившихся на севере Средней Азии.

Эпоха неолита — VI—III тыс. до н.э. — была временем наибольшего увлажнения в голоцене Средней Азии, IV—III тыс. до н.э. — так называемый льяляканский плювиал, когда Амударья впадала в Каспийское море, Кызылкумы представляли труднопроходимую болотистую область. Экологическая обстановка позволяла вести только охотничье-рыболовецкое хозяйство. Лишь в конце (или середине) III тыс. до н.э. началось усыхание озер, что привело к смене типа хозяйства (Виноградов А.В., Мамедов, 1975, с.234—255; Виноградов А.В., 1981, с.19—40). Данных о переходе от неолита к энеолиту в V — IV тыс. до н.э. в степной зоне Средней Азии пока нет. Если не учитывать нескольких спорных случаев, производящее хозяйство предполагается лишь в Дам-Дам-Чешме 2 и трех верхних слоях пещеры Джебел по находкам зернотерок, вкладышей серпов и костей домашней овцы и козы (Окладников, 1956, с.201—205; Цалкин, 1956, с.221). III слой датируется III—II тыс. до н.э. по найденной в трех верхних слоях импортной гончарной керамике типа Кызыл-Арвата и Шах-тепе II¹² (Виноградов А.В., 1981, с.136—140, 146, 147). В.И.Цалкин, подчеркивая сложность диагностики, допускал, что часть мелкого рогатого скота из IV слоя тоже, может быть, была одомашнена. Однако на стоянках кельтеминарской культуры (а их обследовано более 800!), в том числе на многослойных (им.Толстова, Дарбазақыр и др.), признаков производящего хозяйства нет (Виноградов А.В., 1968, с.148; 1981, с.146—147). Лишь на стоянках конца (середины) III — начала II тыс. до н.э. на Зеравшане (Каптарникум) и в Льялякане обнаружены вкладыши серпов, зернотерки, следы металлообработки и ювелирного производства, но свиdetельств скотоводства нет и там (Гулямов и др., 1966, с.89—90; Виноградов А.В. и др., 1975, с.228). В Казахстане кости коровы и овцы на стоянке Саксаульская II, возможно, связаны с более поздним комплексом; только на позднеэнеолитических стоянках конца (середины) III — начала II тыс. до н.э. найдены корова и лошадь в Терсек-Карагай, лошадь — в Затобольской, корова и овца — в Свет-

II тыс. до н.э. (Кузьмина, 1958, с.33); 5. лингвистические построения и рассуждения о происхождении названий животных не основательны, так как В.Н.Даниленко, к сожалению, не учтены специальные работы о названиях животных (Трубачев, 1960; Цховребов, 1973; Ramstedt, 1957; Щербак, 1961; Поливанов, 1969; Новикова, 1969; Benveniste, 1949; Bouda, 1956; Ramstedt, 1947). Критику гипотезы В.Н.Даниленко см.: А.А.Формозов (1972, с.23); В.А.Шнирельман (1980, с.71—77); Е.Е.Кузьмина (1981б, с.23—25).

¹²

Хронология слоев Джебела спорна (см.: Виноградов А.В., 1981, с.121—125).

лом Джаркуле (Формозов, 1950, с.11); лошадь и мелкий рогатый скот в Пеньках II, лошадь, мелкий и крупный рогатый скот в Иман-Бурлук I, II (Чалая, 1973, с.188), лошадь в Зеленой Балке 4 и Караганде 15 (Клапчук, 1970, с.111).

Итак, в IV-III тыс. до н.э. — в пору утверждения в степях производящей экономики — решающее значение имели контакты с земледельцами балкано-дунайской зоны. Несмотря на то, никаких следов не только массовой миграции, но и существенного культурного воздействия со стороны земледельцев Ирана и юга Средней Азии пока не прослеживается. Евразийская степь в эту пору делится на два больших региона. От Днепра до Урала, включая Северный Прикаспий, простирается зона мариупольской общности, где с начала IV тыс. до н.э. происходит освоение производящего хозяйства, замствованного у земледельцев Подунавья. К востоку же от реки Эмбы простирается зона кельтеминарской культурной общности, где следы скотоводства пока фиксируются не ранее середины — конца III тыс. до н.э., и весь комплекс материальной культуры резко отличен от мариупольского, что позволяет видеть в мариупольцах и кельтеминарцах представителей двух различных этнических образований.

Хозяйство мариупольцев было комплексным, с доминантой скотоводства. В их культуре выявлены бесспорные следы domestikации лошади.

Лошадь была приручена в зоне между Дунаем и Уралом в IV (если не в V) тыс. до н.э. В III тыс. до н.э. выделилось две области: к западу от Днепра лошадь известна, но кости коня на древнеземледельческих памятниках составляют небольшой процент; наоборот, к востоку от Днепра коневодство стало одной из важнейших отраслей хозяйства и у некоторых общин III тыс. до н.э. доминировало (Деревика, хутор Репин) (Громова, 1949; Цалкин, 1970, с.183-204, 247, 266; Бибикина, 1967; 1970; Кузьмина, 1977; Матюшин, 1981, с.6-9, табл.3)¹³.

Культовым животным, как правило, становится то, которое имеет наибольшее значение в хозяйстве. Культ коня впервые в Старом Свете сложился в южнорусских степях. Здесь найдены древнейшие в мире изображения домашней лошади: каменные намершия с головой коня (Суворова, Орск) и костяные фигурки (Съезжая, Липовый овраг, Вилатовое), датируемые IV тыс. до н.э. (Мерперт, 1968, с.59, 77; Даниленко, Шаглый, 1972; Попов, Смирнов, 1973; Васильев, 1981, с.69, табл.7, 1; 13, 12, 13; Gimbutas, 1970, с.158, 159, fig.2). Лошадь представлена на петроглифах Каменной могилы, на сосуде из Тудорова и стеле из Усато-

¹³ В Северном Казахстане на позднеэнеолитическом поселении Батай найдено большое количество костей лошади, но признаки domestikации не выявлены (сообщение Н.М.Ермоловой).

ва усатовской культуры III тыс. до н.э. (Формозов, 1969, с.135–138; Збенович, 1974, с.122–125, рис.33, 13; 41).

Древнейшими в Старом Свете являются захоронения черепов и ног коней в грунтовых могильниках Волго-Уралья (Свезжая и Хвалынский), относящихся к IV тыс. до н.э., и на поселениях среднестоговской культуры Деревка на среднем Днепре (Васильев, 1981, с.67, 69; Телегин, 1973, с.44–47, рис.25). В памятниках ямной культуры ритуальные захоронения коней или только их голов и ног (со шкурой) открыты во многих курганах (Мерперт, 1974, с.41–44; Кузьмина, 1977). В Усатове кости лошади найдены в центральных погребениях курганов 1-3 и 1-9 (Збенович, 1974, с.113). Тот факт, что на поселениях кости коня находят в раздробленном виде, доказывает, что лошадь первоначально разводили как мясное животное.

Большое значение в хозяйстве энеолитического населения южнорусских степей занимало разведение крупного рогатого скота, который стоял на первом или на втором месте в поголовье начиная со времени мариупольской общности (Цалкин, 1970, с.243; Синюк, 1971, с.221; Телегин, 1973, с.131, табл.VII; Васильев, 1981, с.67).

На сложение культа быка указывают костяные фигурки из Свезжей и ритуальные захоронения черепов и ног коров и скелет теленка в Хвалынском могильнике (Васильев, 1981, с.67, 69), захоронения и изображения быков на усатовских памятниках (Збенович, 1974, с.123–124) и многочисленные жертвенники в ямных курганах по всему ареалу. На третьем месте был мелкий рогатый скот, хотя в некоторых культурах он иногда выходил на первое место в поголовье (Збенович, 1974, с.119, 125, табл.I).

На поселениях ямной культуры Украины крупный рогатый скот составлял 45% особей, мелкий — более 30%, лошадь — около 20%; в верхнем слое Михайловки соответственно — 60%, 30% и 10% (Цалкин, 1970, с.247, табл.51; Лагодовська и др., 1962, с.168, 207).

Предполагается, что хозяйство мариупольцев в первой половине IV тыс. до н.э. было комплексным и заметную роль в нем играло земледелие. Бесспорные следы земледелия выявлены пока только на Украине у племен среднестоговской и сменяющей ее ямной культур: земледельческие орудия и долговременные поселения, в том числе многослойные (Михайловка) (Телегин, 1973, с.139; Лагодовська и др., 1962; Мерперт, 1968, с.41). Что касается Поволжья и Прикаспия, то доказательств хлебопашества там пока не найдено, долговременные поселения не известны, так что вероятно преимущественно скотоводческое направление хозяйства ямников в этой зоне (Мерперт, 1974, с.109).

Преобладанию скотоводческого направления экономики в степях способствовали как экология, так и распространение в III тыс. до н.э. колесного транспорта, изобретенного в IV тыс. до н.э. в Передней Азии (Childe, 1951,

с.177–194; он же, 1954, с.1–15). Появление транспорта документируется находками в ямных курганах четырех- и двухколесных повозок, в том числе с крытым кузовом, а также отдельных колес и пар запряжных быков, обнаруженных по всему ареалу от Дуная до Урала¹⁴. Четырехколесные повозки могли появиться в степи через посредство как Подунавья, так и Кавказа, двухколесные же повозки и крытые кибитки распространились с Кавказа (Piggott, 1969; Кузьмина, 1974; Häusler, 1981). Появление повозок, позволявших пастухам перемещаться вслед за стадами, явилось важнейшей предпосылкой интенсификации скотоводства и сложения отгонных и полукочевых способов его ведения.

¹⁴ Гипотеза М.Гимбутас (1970), поддержанная В.Н.Даниленко и Н.Н.Шмаглием (1972), о распространении в древнейшую эпоху воинов-всадников, явившемся поворотным моментом в истории Евразии, должна быть отвергнута. Пастухи ямной эпохи умели ездить верхом, для этого достаточно веревочного или ремennого недоуздка. Но всаднику, который должен стрелять или вести бой копьем, нужна уверенная посадка, для чего необходимы удила и псалии. Удила появились в евразийской степи на рубеже II–I тыс. до н.э., и только с этого времени можно говорить о появлении всадничества. Принимаемые за неолитические псалии костяные и роговые предметы (Телегин, 1973, с.137–139, рис.64), видимо, являются не являются.

Гипотеза о распространении воинов-всадников в эпоху неолита находится в противоречии и с другими источниками. Судя по данным переднеазиатского изобразительного искусства и письменности, в Передней Азии первоначально употреблялась повозка с бычьей запряжкой, ранее середины II тыс. до н.э. распространились боевые колесницы с конной запряжкой, появление там всадничества относится к концу II – началу I тыс. до н.э. (Jadin, 1963, с.284–286). Против гипотезы об неолитических воинах-всадниках говорят и данные индоевропеистики. Названия упряжки, колеса, коня и многих конских ритуалов являются древними общеиндоевропейскими терминами, что доказывает, что знакомство с лошадей и повозкой относится ко времени контактов носителей различных индоевропейских диалектов. В эпической традиции ведических ариев, пришедших в Индию, по мнению большинства современных исследователей, около середины II тыс. до н.э., многочисленны упоминания богов и героев, сражающихся на конных колесницах, причем терминология, связанная с конем и колесницей, необычайно развита и в значительной мере является общеиндоиранской. Количество же упоминаний верховой езды в Ригведе и Махабхарате ничтожно (Кальянов, 1967; Coomaraswamy, 1942; Kane, 1946, с.200–205). В Авесте боги и герои также, как правило, предстают сражающимися на конных колесницах, а упоминания верховой езды в древних частях Авесты почти отсутствуют, причем иранский термин для всадника не имеет индоевропейских соответствий (Герценберг, 1972, с.23). Следовательно, распространение всадничества – явление позднее и следующее за временем употребления коней для запряжки в боевые колесницы. Тот же процесс отмечается в Греции.

Разнообразие почвенно-климатических условий в степи предопределило различие направлений развития скотоводческого хозяйства в разных районах уже в эпоху энеолита. Для выяснения специфики скотоводства восточных областей ввиду отсутствия остеологических материалов с поселений решающее значение имеет топография памятников. Исследованные В. П. Шиловым могильники Балкин Хутор, Кузин Хутор расположены в открытой степи вдали от рек; стоянки Досанг, Исиkey и др. в Прикаспии находятся в полупустынной зоне, где оседлое скотоводство невозможно, — следовательно, уже в эпоху энеолита в некоторых районах степи сложились подвижные формы скотоводства (Лагодовська и др., 1962, с. 173—178; Мерперт, 1974, с. 111—113; Шилов, 1975), что предопределило возможность расселения пастушеских племен в дальнейшем на обширнейших территориях и явилось предпосылкой формирования огромных общностей пастушеских культур в степях, не имеющих аналогий в других зонах Старого Света.

К культуре ранних пастушеских племен энеолитической эпохи, вероятно, восходят и некоторые особенности социального устройства, получившие оформление в последующие эпохи.

Начатки социальной дифференциации отмечаются в материалах Хвалынского могильника, где наряду с безынвентарными выделяется группа погребений с большим количеством украшений и найден один скипетр (Васильев, 1981, с. 25).

Погребения энеолитической эпохи характеризуются бедностью инвентаря. Однако выделяются некоторые могилы, содержащие каменный скипетр с зооморфным изображением, повозку с бычьей запряжкой (или ее частями), а также череп и ноги коня. В условиях древнего общества со строгой регламентацией ритуала такое отклонение от нормы не может быть случайным.

Скипетр был известен всем индоевропейским народам как инсигния власти. В Ригведе Индра сражается скипетром-булавой, украшенной головой быка; в Авесте скипетром-булавой, увенчанной головой быка, родоначальник и первый царь иранцев Йима (Джемшид) побеждает Дахака, поэтому быкоглавая палица стала инсигнией каянидских царей и Ахеменидов. Скипетры-жезлы с головой животного или птицы были у скифов; у Сасанидов существовали родовые штандарты, имевшие зооморфную форму (Littleton, 1970, с. 389; Widengren, 1959, с. 252; Ильинская, 1965; Тревер, 1940).

Обычай захоронения повозок в могилы знати был известен индоевропейским народам. Судя по хеттским религиозным текстам II тыс. до н.э., после смерти царя или царицы сооружали специальную повозку, в нее помещали статую умершего, запрягали коней, и повозка отправлялась в обезд города. Коней, участвовавших в церемонии, убивали, и их головы хоронили вместе с царским прахом (Otten, 1958, с. 129). Обряд захоронения повозки и коней вместе

с царским прахом практиковался фракийцами; греки и римляне возили умерших на катафалке; стоящий на повозке актер в маске и одежде умершего представлял эпизоды из жизни героя (из этого родилась греческая драма); затем упряжных коней убивали и сжигали вместе с покойным (Миков, 1925; Фрейденберг, 1936, с.213). Скифы возили тело умершего царя на катафалке (Геродот, IV, 71). Находки повозок и упряжных коней известны в царских курганах Причерноморья и Алтая. В свете этих данных есть основания предполагать, что погребенные с повозками в ямных курганах — представители привилегированной группы общества (Кузьмина, 1974; с.85; 19816, с.32, 33).

Что касается ритуальных захоронении коней (или, чаще, только головы и ног со шкурой), то древнейшими в Старом Свете являются захоронения в энеолитических могильниках Волго-Уралья (Съезжая и Хвалынский) и в ямных курганах (Нерушай, Старое Горожино, Новоалексеевка, Красный Перекop IV, Близнецы, Герасимовка и др.). Культ коня был отличительной особенностью индоевропейцев, и сложение у них ритуальных и мифологических представлений, связанных с конем, относится к древнейшей эпохе, что подтверждается общностью терминологии, связанной с жертвенным закланием коня, и сходством деталей ритуала, в котором особое значение придавалось отделяемой голове коня: в Индии это обряд ашвамедха, в Риме — Equus October, у кельтов и галлов — *ipromiidvos* (Иванов, 1974; Кузьмина, 1977).

У всех индоевропейцев конь являлся священным атрибутом царя и играл большую роль на коронации. У индоиранцев конь считался одним из семи священных царских сокровищ. По словам Геродота (IV, 71-72), у скифов был обычай приносить коней в жертву на царских поминках, засвидетельствованный археологически в царских курганах от Причерноморья до Алтая (Пазырык) и Тувы (Аржан) (Кузьмина, 1977).

Наличие в южнорусских степях уже в эпоху энеолита погребений, выделяющихся по обряду и содержащих скипетр, повозку или голову коня, указывает на социальное расслоение в среде древнейших скотоводов. У ямников дифференциация социальная и идеологическая еще не всегда сопровождалась имущественной, хотя тенденция к этому уже намечалась, и курганы, совершенные по особому обряду, обыч-

но имеют грандиозные насыпи, а иногда и богатый инвентарь (Нерушай). Лица, занимавшие привилегированное положение в обществе, имели военные функции, что документируется присутствием оружия. Наличие среди могил с повозками и конями наряду с погребениями мужчин также захоронений женщин и детей позволяет ставить вопрос о том, что военная знать составляла особое сословие, принадлежность к которому передавалась по наследству.

* * *

Итак, в IV-III тыс. до н.э. в южнорусских степях прослеживается непрерывное развитие культурных общностей на основе местного неолита, сопровождающееся отдельными передвижениями племен в пределах этой зоны, но не осложненное никакими массовыми инвазиями извне. Никаких следов миграции переднеазиатского населения через Среднюю Азию и Северный Прикаспий в это время не отмечается. Напротив, достижения переднеазиатской цивилизации распространяются в степях в IV тыс. до н.э. через посредство земледельческого населения Подунавья, а в III тыс. до н.э. усиливаются связи с Кавказом. Взаимоотношения степных племен с земледельцами Подунавья и Кавказа носят характер культурных влияний и заимствований; в степях между Днепром и Уралом существенной инфильтрации древнеземледельческого населения ни со стороны трипольской, ни со стороны триалетской культуры не отмечается.

Напротив, как указывалось, ямные памятники фиксируются в Предкавказье. В III тыс. до н.э. отмечается постепенное проникновение ямных племен из степной зоны в область древнеземледельческих культур: это так называемые погребения с охрой, выявленные на территории Молдавии, Румынии и Венгрии (Мерперт, 1968, с.76-80; Зирра, 1960, с.100-101; Збенович, 1974, с.150; Comşa, 1976, с.33-43). Однако, как установлено Н.Я.Мерпертом и Э.Комшей, вопреки мнению М.Гимбутас и В.Н.Даниленко, появление погребений с охрой в Подунавье не было вызвано спонтанным массовым нашествием ямных всадников, огнем и стрелами сокрушавших земледельческие поселки, а было результатом постепенной инфильтрации отдельных небольших групп ямных, а затем и срубных племен.

Продвижение ямных племен в восточном направлении пока археологически не зафиксировано. Но, по гипотезе С.В.Киселева, поддержанной Э.Б.Вадецкой, волна позднего-раннекатакомбного населения прошла из Приуралья далеко на восток и явилась основой формирования в начале II тысячелетия до н.э. афанасьевской культуры в Южной Сибири на Енисее.

Мною (1958) отмечались следы типологического сходства с ямно-катакомбными комплексами материалов могильника Заман-баба в Бухарском оазисе Средней Азии.

III. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДВИЖЕНИЯ В СТЕПЯХ ВО II тыс. до н.э.

С ямной культурной общностью большинство исследователей связывает генезис ряда культур южнорусских степей эпохи бронзы, прежде всего — полтавkinской.

Полтавkinская культура, выделенная Н.К.Качаловой (1962, с.31-49), бытовала в первой половине II тыс. до

н.э. в Среднем и Нижнем Поволжье. Многочисленные полтавкинские стоянки открыты в Северном Прикаспии (сборы В.Д.Белецкого, А.Н.Мелентьева, И.Б.Васильева). По мнению Н.К.Качаловой и Э.А.Федоровой-Давыдовой (1968, с.7), полтавкинские погребения выявляются в Южном Приуралье, а по Е.Е.Кузьминой (1976, с.25, 26), керамика, типологически сопоставимая с полтавкинской, — в сборах в Западном Казачестве и на Мангышлаке, что, возможно, указывает на раннее продвижение полтавкинцев на восток.

Участие ямного субстрата предполагается и в сложении абашевской культуры, занимавшей степные и лесостепные территории от Северского Донца и Дона до Средней Волги и Южного Урала, включая район Магнитогорска и Оренбуржья (Пряхин, 1976; 1977; Горбунов, 1976). Частично пересекаясь с абашевской культурой и далее на запад, включая Поднепровье, ранее середины II тыс. до н.э. простирался ареал культуры многоваликовой керамики, выделенной С.С.Березанской (1960). По мнению украинских археологов, она сложилась при участии катакомбной культуры, сменившейся на Украине ямной.

Долгие годы господствовавшая в археологии гипотеза автохтонного происхождения культур бронзового века степей в настоящее время опровергается бесспорными фактами существенных изменений ареалов культур, отражающими древние миграции, и следами взаимодействия различных культурных комплексов. Сейчас процесс культурообразования представляется прежде всего как ассимиляция и интеграция, в которых участвуют различные элементы, удачно названные В.С.Бочкаревым "блоками культур". В результате взаимодействия субстратных и суперстратных элементов из тех же блоков образуются различные культурные общности, обилие локальных вариантов в которых обусловлено разной ролью слагающих компонентов. Этот "калейдоскопический эффект" прослеживается в процессе культурообразования на большей части евразийской степи.

Археологические материалы указывают на то, что начало II тыс. до н.э., особенно рубеж первой и второй четверти, было периодом крайне нестабильной обстановки в степях: на Дону отмечается передвижение катакомбных племен и смена различных культурных комплексов (Кияшко, 1974, с.18; Братченко, 1976, с.117-118); в Поволжье появляется катакомбная, а затем многоваликовая керамика, движущаяся на восток абашевцы.

В результате этих смещений ареалов культур, новых контактов и усилившихся ассимиляционных процессов во второй четверти II тыс. до н.э. формируются новые культурные образования. В истории евразийских степей условно может быть выделено два периода: I — XVII—XVI вв. до н.э. — период распада старых культур и формирования в результате ассимиляции и интеграции двух больших новых культурных общностей: срубной в европейской степи; и лесостепи

и андроновской — в азиатской; II — XV—XIII вв. до н.э. — время стабилизации сформировавшихся срубной и андроновской общностей и расширения их территорий путем освоения новых земель и вытеснения и подчинения аборигенного населения (колонизация).

По мнению специалистов, срубная культурная общность формируется на полтавкинской основе при воздействии катакомбного, многоваликового и абашевского населения (Агапов и др., 1983).

Во второй половине II тыс. до н.э. ее ареал расширяется: срубники продвигаются по долинам рек на север глубоко в лесную зону, на запад, осваивая значительную часть территории Украины (Березанская, 1982) и Крым, а также на юго-восток.

В Средней Азии около середины II тыс. до н.э. происходят крупные перемещения различных групп населения. В Междуречье распространяются племена — носители тазабагыябской культуры, сформировавшейся в результате взаимодействия срубных, западноандроновских и субстратных элементов (Толстов, 1962; Итина, 1961; 1977). Они сменяют в Бухарском оазисе носителей заманбабинской культуры (Гулямов и др., 1966; Кузьмина, 1958), которые, вероятно, уходят на юг (следы заманбабинских влияний прослеживаются в бишкентской культуре Южного Таджикистана).

В Приуралье и Казахстане в XVII—XVI вв. до н.э. формируется андроновская культурная общность. Классификация и интерпретация андроновских памятников дискуссионны.

Гипотеза И. В.Н.Чернецов (1953) и вслед за ним М.Ф.Косарев¹⁵, В.С.Стоколос и Т.М.Потемкина (1983) постулировали расчленение андроновских памятников на две разноотличные культуры¹⁶: федоровскую угорскую в лесостепной зоне, генетически связанную с угорскими культурами железного века лесного Зауралья и Сибири, и алакульскую иранскую в степной зоне, родственную срубной и генетически связанную в кочевниками саками. Аргументы В.Н.Чернецова теперь не могут быть приняты, так как: 1) федоровские памятники открыты в Казахстане и Средней Азии; 2) элементы федоровской орнаментики есть в искусстве не только угров, но и древних ираноязычных народов Средней Азии, современных таджиков и индийцев; 3) генетической преемственности угорского и федоровского погребального обряда и других этнических признаков культуры не прослеживается;

¹⁵

М.Ф.Косарев не настаивает сейчас на угорской принадлежности федоровцев, а говорит об активном влиянии федоровского степного пастушеского населения на протоугорские лесные охотничьи племена Сибири, с чем есть все основания согласиться.

¹⁶ Гипотезы двух культур придерживается Э.А.Федорова-Давыдова (1968), предполагающая, однако, родство соседних федоровских и алакульских племен, составлявших единую андроновскую общность.

4) на федоровской территории Сибири Н.Д.Членовой (1983) выявлены иранские и индоиранские гидронимы, а в Средней Азии угорских топонимов нет.

Попытка Т.М.Потемкиной (1983) выделить признаки алакульской культуры, предпринятая на основании анализа всего шести могильников периферийного района Притоболья, не увенчалась успехом, так как: 1) автором не были изучены основные андроновские материалы Казахстана, Сибири и Средней Азии; 2) была использована старая классификационная зауральская схема К.В.Сальникова, признаки которой вне Зауралья недостаточны. В результате Т.М.Потемкиной не были выявлены существующие типы андроновских памятников, а признаки алакульской культуры названы неверно или неполно: при характеристике погребального обряда ошибочно указана неустойчивая ориентировка вместо западной, не отмечены грунтовые могильники, большие курганы, курганы с кольцом и кольца, каменные ящики, перекрытия плитами, не установлено, что курганы и срубы не являются диагностическими признаками, так как характерны для памятников также федоровского и других типов; в описании керамики допущены ошибки: алакульский орнамент выполнен не резьбой, а гладким штампом; зона шейки не орнаментирована только в западных вариантах; не точны характеристики алакульских поселений, жилищ, хозяйства, металла и т.д. Недоразумением являются утверждения о преобладании в Центральном Казахстане федоровских могильников, тогда как там второе больше алакульских; о тяготении федоровских памятников к таежной зоне Зауралья и Сибири, тогда как они открыты вплоть до юга Средней Азии; о сходстве тазабагъябской и кайракумской культур, тогда как последняя тяготеет к андроновским памятникам семиреченского типа, и т.д.

Таким образом, работа Т.М.Потемкиной не решила задачи выделения алакульской культуры и обоснования ее этнического отличия от федоровской. Употребление Т.М.Потемкиной термина "андоновская культурная общность" неисторично, так как угры и иранцы принадлежат к разным языковым общностям и даже семьям языков. Не закономерно также использование без ссылки применяемого Е.Е.Кузьминой термина "алакульская линия развития", поскольку Т.М.Потемкиной не выявлены типы андроновских памятников, соответственно не установлена степень их сходства, на основании которой они могут быть отнесены к алакульской или федоровской линии.

Гипотеза II. Большинство андроноведов вслед за М.П.Грязновым признает культурное единство андроновцев и разделяет точку зрения об их иранской или индоиранской принадлежности. Но классификация и хронология памятников дискуссионны. В 1947 г. К.В.Сальников (1951; 1967) создал уточненную в 1967 г. схему классификации андроновских памятников Зауралья на типы, признанные последовательно-

ми этапами: федоровский (XVIII-XVI вв. до н.э.) и алакульский (XV-XII вв. до н.э.). Другими исследователями эта схема перенесена на иные регионы андроновского ареала и до сих пор используется с некоторыми уточнениями К.А.Акишевым, А.Х.Маргуланом, М.К.Кадырбаевым, А.М.Оразбаевым, А.Г.Максимовой, Г.А.Максименковым и прочими.

Однако анализ материалов некоторых регионов показал недостаточность классификационных признаков этой схемы, и были выделены в Западном Казахстане кожумбердинский тип О.А.Кривцовой-Граковой и продолжившей ее исследования Е.Е.Кузьминой, впервые осуществившей изучение микро-района андроновских памятников и применившей статистический анализ массового материала; в Семиречье — семиреченский тип—Е.Е.Кузьминой (1970), в Северном Казахстане — предалакульский петровский, амангельдинский и бишкульский типы Г.Б.Здановичем (1973), впервые проводим раскопки андроновских поселений большими площадями и надежно установившим их стратиграфию, подтвержденную статистическим анализом керамики, что внесло существенный вклад в развитие андроноведения.

В результате дальнейших работ исследователями была установлена поздняя дата некоторых федоровских могильников, и Н.А.Аванесовой в 1979 г. на основании анализа металлических изделий всего ареала предложена новая схема периодизации андроновской культуры, к которой отнесена также тазабಾಗъябская культура: петровский этап (XVII-XVI вв. до н.э.), алакульский (XV-XIV вв. до н.э.), смешанный кожумбердинский, включающий амангельдинский, этап, рассматриваемый как переходный (XIV в. до н.э.), федоровский (конец XIV-XIII в. до н.э.).

В 1983 г. Г.Б.Здановичем (1984) дана новая интерпретация андроновской проблемы. Источниковедческой базой этой работы являются обширные материалы Северного Казахстана и Приуралья, основой построения служит анализ стратиграфии поселений, в значительной мере исследованных его экспедицией. Г.Б.Зданович выделяет в развитии единой андроновской общности автохтонно развивающиеся культуры, генетически связанные друг с другом переходными этапами: петровскую (XVIII-XVII вв. до н.э.), через кулевчинский этап переходящую в алакульскую культуру (XV-XIV вв. до н.э.), через смешанный кожумбердинский и амангельдинский этап переходящую в федоровско-бишкульскую культуру (XIV-XIII вв. до н.э.), связанную через явленский этап с культурой финальной бронзы, являющейся основой генезиса культуры саков.

Таким образом, понятие "культура" у Г.Б.Здановича и его учеников принципиально отличается от трактовки культуры у сторонников гипотезы двух разнотипных культур.

Гипотеза III. В 1981 г. нами предложена новая концепция. Источниковедческой базой работы явились материалы 230 могильников и 140 поселений всего ареала, из которых

50 памятников разных регионов Урала и Казахстана обследовалось и 30 раскапывалось нами, а также 70 памятников Средней Азии, из которых ряд обследован при нашем участии. В основу анализа положены закрытые комплексы погребений (Кузьмина, 1982; 1983; Кузьмина и др., 1982). Введена сумма (банк) признаков, достаточная для адекватного описания материалов всего ареала. Систематизация строится по корреляции погребального обряда (с учетом деталей конструкции надмогильного сооружения, могилы, типа и ориентировки погребения, инвентаря, тризны и т.д.) и керамики, классифицированной по сочетанию технологии производства и обусловленной ею формы сосуда, принципа построения орнамента, элементов декора и их размещения на сосуде, способов орнаментации. По устойчивому сочетанию признаков выделены типы памятников, и для каждого из них погребальная керамика сопоставлена с поселенческой. Далее типы картографированы и установлена их относительная хронология на основании стратиграфии, построения сквозных типологических рядов, взаимовстречаемости типов друг с другом и с инокультурными.

Наконец, определен абсолютный возраст каждого типа на основании импортов, псалиев, металлических изделий, датированных по системе длинной хронологии, согласованной с европейской схемой Г.Мюллера-Карпе, и иранско-среднеазиатской В.М.Массона. В результате проделанного анализа выделены чистые типы: петровский (XVII-XVI вв. до н.э.), алакульский (XV-XIII вв. до н.э.) и федоровский (XV-XIII вв. до н.э.) и ряд смешанных региональных: кожумбердинский (конец XV-XIII в. до н.э.) в Западном, амангельдинский (XIV-XIII вв. до н.э.) в Северном, атасуский (XIV-XIII вв. до н.э.) в Центральном, таутаринский (XII в. до н.э.) в Южном Казахстане, семиреченский (с XII в. до н.э.) и междуреченский (с XIII в. до н.э.) в Средней Азии.

Анализ гончарства выявил две независимые керамические традиции: алакульскую, восходящую к петровской, и федоровскую. Специфическими особенностями погребального обряда федоровцев являются курган с оградой или ограда цистовой кладки, циста в могиле, кремация, помещение ребер коня. В синкретических типах памятников алакульские и федоровские признаки гончарства и обряда выступают в разных сочетаниях.

Чтобы объективно оценить степень близости памятников разных типов, на основании диагностически значимых признаков по методике Я.А.Шера нами и А.С.Кузьминым построен граф (рис.2), отражающий силу связей разных типов. Наибольшая близость прослеживается между ранними западнофедоровскими (ф з) и поздними восточнофедоровскими (ф в) памятниками (87), а также между ранними петровскими (п) и сменяющими их алакульскими (ал) (76), что дает основания рассматривать эти пары как генетически

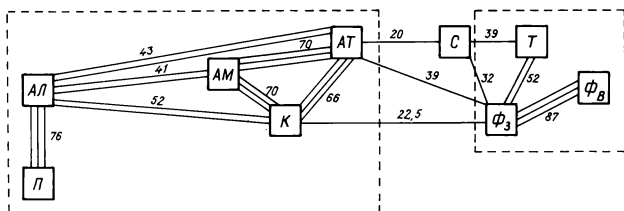

Рис. 2. Граф силы связей типов андроновских памятников

связанные; большой близостью характеризуется группа смешанных памятников кожумбердинского (к), амангельдинского (ам) и атасусского (ат) типов (сила внутренних связей 66, 70 и 70), причем все они гораздо ближе к алакульскому типу (41, 43 и 52), чем к федоровскому (20, 22,5 и 39), что позволяет отнести их к алакульской линии развития; наоборот, таутаринский (т) тип по силе связей (52) относится к федоровской линии развития; особняком стоит поздний семиреченский (с) тип.

Как интерпретировать полученные результаты? К.В.Сальников, Н.А.Аванесова и Г.Б.Зданович трактуют смешанный кожумбердинский тип как переходный от федоровского этапа к алакульскому или наоборот. Но установленные различия федоровского и алакульского гончарства, учитывая, что домашнее керамическое производство является важнейшим устойчивым этнографическим признаком, отражающим племенную специфику, не дают оснований рассматривать алакульский и федоровский типы как последовательные этапы одной культуры и позволяют вернуться к вопросу о выделении двух культур, а в памятниках смешанных типов видеть результат их взаимодействия.

Для ответа на вопрос, каково соотношение предполагаемых культур друг с другом и соседними синхронными степными культурами, нами с А.С.Кузьминым был построен другой граф (рис. 3) на основе диагностически значимых признаков и установлено, что сила связей между типами андроновских памятников (от 53 до 78) вдвое выше, чем между алакульским типом и культурами срубной (ср) (29) и тазабагъябской (таз) (29), между ними и смешанными типами алакульской линии развития (см) (30 и 30) и между срубной и тазабагъябской культурами (44). Из этого следует, что типы андроновских памятников в пределах евразийской степи составляют отличную от самостоятельных тазабагъябской и срубной культур общность, объединяемую на основании этнически значимых признаков: многих типов погребальных сооружений, западной ориентировки могил, трехчастной конструкции горшков, трехзонного декора, общих орнаментальных элементов, что указывает на этническое родство разных групп андроновского населения.

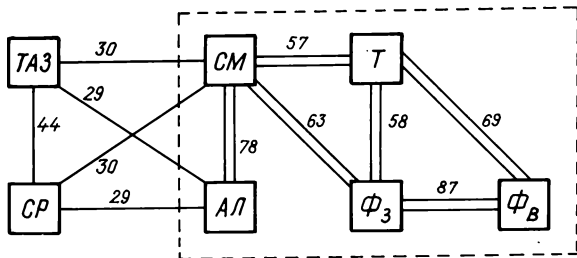

Рис. 3. Граф силы связей тазабагъябской и срубной культур и андроновской культурной общности

Таким образом, совокупность типов андроновских памятников может рассматриваться вслед за А.А.Формозовым (1950) как этнокультурная общность, объединяющая культуры отдельных родственных племен, образующих языковой континуум, причем, учитывая выделение двух различных керамических традиций — федоровской и алакульской, видимо, можно говорить о сосуществовании и взаимодействии двух близкородственных этнических групп одной языковой общности, уже распавшейся ранее XVII в. до н.э.

Каково происхождение федоровского и алакульского типов (или культур)? Генезис федоровского типа наиболее вероятно связать с Центральным Казахстаном, где на энеолитических поселениях (Клапчук, 1970) выявляются истоки федоровской керамической традиции, обряд же трупосожжения зафиксирован на энеолитических памятниках от Урала до Южной Сибири.

В XVII-XVI вв. до н.э. на западе азиатской степи и лесостепи формируются памятники петровского типа новокумакского хронологического горизонта. Они выявлены на Южном Урале, в Зауралье и Северном Казахстане (Зданович Г.Б., 1973; он же, Зданович С.Я., 1980; Генинг, 1975; 1977; Смирнов, Кузьмина, 1977; Виноградов Н.Б., 1983). Погребальный обряд — скорченные захоронения в могилах с деревянными срубам, перекрытыми земляными курганами. При умерших положены сосуды, бронзовые ножи, тесла, струги и многочисленное оружие: топоры, копья, бронзовые и каменные стрелы, булавы, а также браслеты, перстни, бусы, височные подвески, головные уборы, наконники и нагрудники. В могиле или на перекрытии помещены черепа и ноги быков, овец или коней, известны захоронения нескольких коней. В могильниках Синташта, Улюбай и Берлик открыты двухколесные колесницы с колесами со спицами, а в Синташте — также захоронения взнузданных запряжных коней с псалиями. Разнотипные архаичные костяные щитковые псалии найдены также в могильниках Синташта II и Аксайман и на поселениях Новоникольское и Кулевчи II. По типу диско-

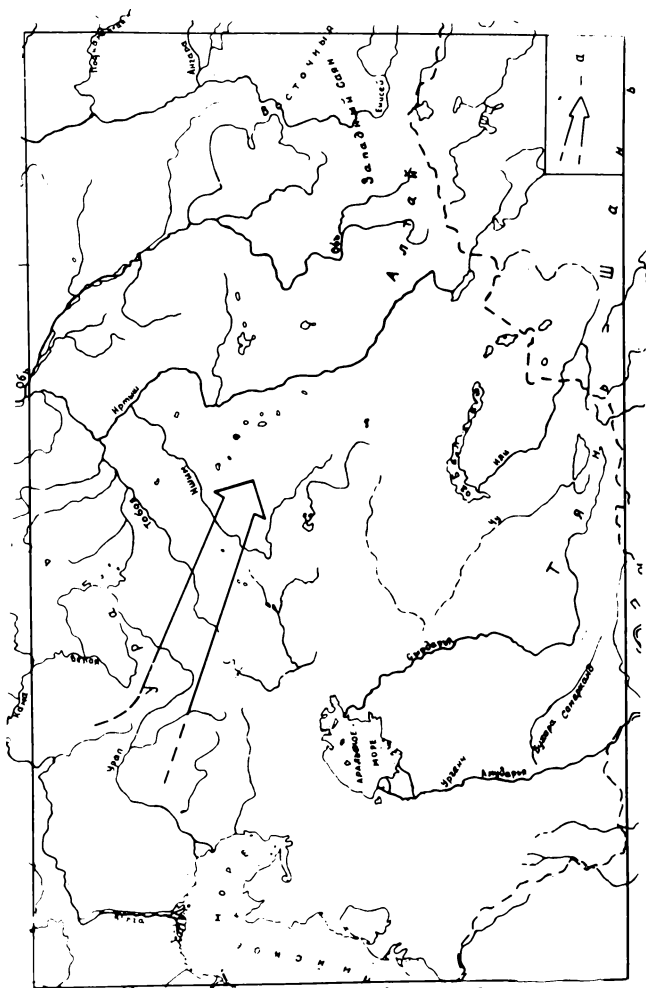

Рис. 4. Этнические движения в XVII—XVI вв. до н.э.

(а — продвижение носителей культур многоваликовой керамики и абашевской)

видные псалии аналогичны псалиям культур абашевской и многоваликовой керамики и экземплярам из IV шахтной гробницы Микен, относящейся к 1570–1550 гг. до н.э. (Лесков, 1964; Смирнов, Кузьмина, 1977, с.42–50; Кузьмина, 1980в), что определяет дату петровских памятников не позднее XVI в. до н.э.

Г.Б.Зданович (1973, с.40, 41) показал генетическую связь петровского типа с алакульским¹⁷ и первоначально предполагал формирование петровского типа на местной энеолитической основе, хотя отмечал и некоторое влияние западной абашевской культуры.

К.Ф.Смирновым и мной (1977, с.26–33) была сделана попытка показать западные элементы, участвовавшие наряду с местным субстратом в формировании новокумакского (петровского) комплекса (рис.4).

К их числу принадлежат такие важнейшие этнически определяющие признаки, не выявленные в местном энеолите, развитие которых к западу от Урала прослеживается с IV–III тыс. до н.э., как подкурванный обряд захоронения, устройство в могиле сложного деревянного сооружения, обычай совершать ритуальные захоронения животных, культ коня и повозки. Весьма показательно обусловленное методом формовки сходство петровских и полтавкинских баночных и горшководных сосудов с уступом на плечике.

Другим важнейшим компонентом петровского комплекса является абашевский, на что указывают находки сосудов своеобразной абашевской формы, типы украшений, некоторые черты погребального обряда (глиняная площадка над могилой).

Наконец выявляется и сходство с культурой многоваликовой керамики, документируемое распространением в петровских комплексах горшков, подражающих многоваликовым

¹⁷

Против генетической связи алакульского типа с петровским, отрицающимся к новокумакскому хронологическому горизонту, выступили В.С.Стоколос (1983) и Т.М.Потемкина (1983). Отнесение В.С.Стоколосом новокумакских комплексов к срубной культуре убедительно опровергнуто С.А.Агаповым, И.Б.Васильевым и др. (1983). Т.М.Потемкиной те же комплексы отнесены к абашевской культуре и высказано предположение об их синхронности с алакульскими, что оспорено Н.Б.Виноградовым (1983) и Г.Б.Здановичем (1984). Т.М.Потемкина ошибочно отнесла к алакульскому типу детские петровские погребения могильника Алабуга. Хронологическая последовательность и генетическая преемственность петровского и алакульского типов бесспорно устанавливается на основании: 1) стратиграфии погребений и поселений; 2) эволюции погребального обряда; 3) эволюции технологии и типологии керамики; 4) сквозных типологических рядов псалиев и металлических ножей, тесел, украшений и пр. Вывод Т.М.Потемкиной, что абашевцы составляли военную знать, подчинившую рядовых алакульцев, не подтвержден фактами и исторически крайне сомнителен.

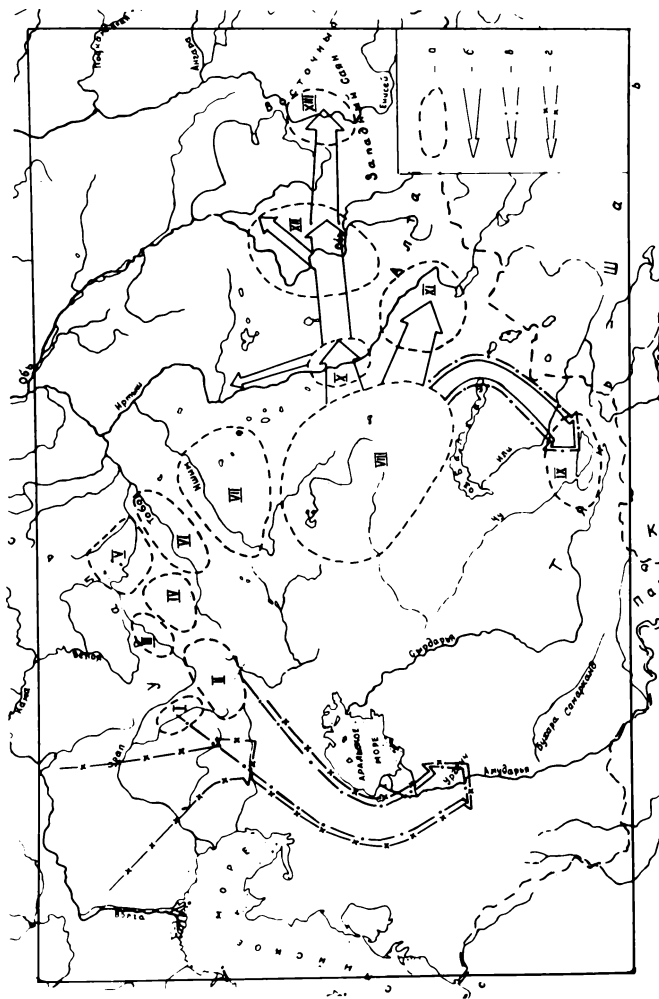

Рис. 5. Этнические движения в XV—XIII вв. до н.э.

(а — границы локальных вариантов; б — федоровский тип; в — смешанные типы; г — срубная культура)

как по форме, так и по орнаментации налепными валиками, шишечками-налепами, елкой, разделенной вертикальными линиями, и пр. (Смирнов, Кузьмина, 1977, с. 29–32, рис. 9).

Очень существенно, что все ведущие типы металлических изделий петровцев имеют генезис на западе, а основные типы петровских палиев сходны с абашевскими и многоваликовыми. Кремневый и костяной инвентарь также находит аналогии в культурах европейской степи. Таким образом, есть основание предполагать, что памятники алакульского типа формируются на западе андроновского ареала в результате взаимодействия местного энеолитического населения с пришедшими с запада носителями культур полтавкинской, абашевской и многоваликовой керамики.

Продвижение петровцев и их потомков алакульцев на восток по территории Казахстана, видимо, вызывает в XV–XIII вв. до н.э. миграцию части родственного федоровского населения, которое постепенно отесняется далее на восток — в Южную Сибирь, сменяя там местные культуры: кротовскую, самусьскую и окуневскую (рис. 5). Другая часть федоровцев остается на месте, вступая в контакт с алакульцами, что приводит к образованию на территории Казахстана синкретических типов памятников.

В XV–XIII вв. до н.э. огромные территории оказываются освоенными андроновцами: от лесной зоны на севере до среднеазиатских оазисов на юге.

Анализ керамического материала в некоторых случаях позволяет проследить продвижение населения одного локального варианта на новую территорию. Так, по сходству технологии гончарства можно предполагать, что федоровское население Южной Сибири пришло на восток с Иртыша; из Центрального Казахстана, видимо, продвинулись на Тянь-Шань создатели семиреченского варианта, оттуда расселившиеся на Памир, а население, оставившее в Хорезме временные стоянки рядом с тазабагъябскими поселками, пришло из Приуралья.

Причину передвижений степных племен, видимо, следует искать в специфике экстенсивной скотоводческой экономики. Быстрому расселению способствовали подвижной характер быта скотоводов и использование колесниц.

Андроновцами впервые в истории Старого Света были выведены специализированные породы лошадей: тяжеловозы, достигавшие 160 и больше см высоты в холке, для транспортировки больших телег и кибиток, и предназначенные для запряжки в легкие колесницы высокопородные тонконого лошади — предки знаменитых коней несейской породы (Цалкин, 1972б).

На широкое распространение колесниц у носителей андроновской и срубной культур указывают открытие остатков колесниц в могильниках петровских и раннеалакульском в Центральном Казахстане — Сатан (АО 1980, с. 434), захоронения в срубных и андроновских могилах запряжных коней

или их голов и ног, многочисленные находки костяных псалий. На смену петровским дисковидным псалям с шипами в середине второго тысячелетия приходят дисковидные псалии без шипов, находящие аналогии в культурах Подунавья, и прямоугольные, ранний вариант которых, представленный в Мирном IV в Приуралье, может рассматриваться как прототип II класса металлических псалий Передней Азии (Смирнов, 1961; Кузьмина, 1980в; Hüttel, 1981).

О культе колеса и колесницы у носителей срубной и особенно андроновской культур свидетельствуют находки глиняных моделей колес и бронзовых блях, имитирующих колесо со спицами, а также сосудов с изображениями колесниц с конной запряжкой или колес со спицами в алакульском могильнике Спасское и срубных Сухая Саратовка II, Политотделское, Львово, Полянский и из Ждановского музея (Кузьмина, 1974; Häusler, 1981).

Стиль изображений колесниц на сосудах сходен с изображениями на петроглифах Казахстана — Тамгалы, Каратау, Смагул, Тянь-Шаня — Саймалы-Таш и Памира — Текке-Таш, Акджилга (Кадырбаев и др., 1977; Шер, 1980; Кузьмина, 1980а), что дает надежные основания, во-первых, отнести петроглифы ко второй половине II тыс. до н.э., во-вторых, говорить о широком распространении культа колесницы у носителей андроновской общности.

В религии андроновских и срубных племен первостепенное значение имели жертвоприношения: заклинание коней, быков и овец совершалось на общенародных торжествах, при основании поселения, при закладке дома, а также при погребении.

Другим важным фактором в идеологии срубных и особенно андроновских племен был культ огня. Археологическое отражение его — специальные зольники на поселениях и круглые или прямоугольные культовые очаги в жилищах, находки в могилах обгорелого дерева, угля и золы, а также практика трупосожжения.

Важнейшей чертой идеологических представлений был культ предков. Захоронения совершались в могильных ямах, перекрытых курганными насыпями, иногда окруженными деревянной или каменной оградой. У некоторых групп андроновского населения сооружение прямоугольной или чаще круглой каменной ограды было обязательно. Как у срубников, так и у андроновцев наряду с обрядом труположения практиковался обряд трупосожжения. У некоторых групп федоровского населения трупосожжение было обязательным (Сорокин, 1966; Маргулан и др., 1966; Сальников, 1967; Максименков, 1978). Отмечены случаи парных разнополюх захоронений, вероятно, связанные с выделением парной семьи, и обособленные детские погребения, иногда вынесенные на особые кладбища. Захоронения сопровождалась тризной — в могилы ставились сосуды с едой и клались принесенные в жертву животные — овца, бык и конь (или только их головы и ноги).

В андроновских могильниках XV–XIV вв. до н.э. среди десятков рядовых сооружений — курганов и оград диаметром 6–15 м, высотой 0,15–0,4 м, содержащих захоронения со стандартным набором инвентаря, выделяется по несколько курганов (часто с монументальными оградами) диаметром до 40 м, высотой до 1,5 и даже 2,5 м с большой погребальной камерой. Алакульские могилы, прямо продолжая петровскую традицию, имеют набор вооружения: нож-кинжал, иногда копье, каменный или бронзовый топор, булаву, колчан со стрелами — и сопровождаются парой коней колесничной запряжки. Такие захоронения воинов характерны и для памятников покровского типа II этапа срубной культуры.

Эти данные позволяют сделать вывод о стратификации пастушеских племен и выделении особого сословия воинов-колесничих, занимавших привилегированное положение в обществе (Кузьмина, 1977; Смирнов и др., 1977), и сословия рядовых общинников-пастухов. Класс ремесленников не выделился, ремесленное производство не было специализированным и оставалось не товарным, а домашним, рассчитанным на удовлетворение потребностей общины.

У срубников и андроновцев были развиты ручное гончарство, камне- и деревообработка и косторезание, прядение, ткачество, бортничество и особенно металлообработка. В бронзолитейном деле и рудодобыче андроновцами были достигнуты большие успехи, металл шел на экспорт: олово из Центрального и Восточного Казахстана и металлические изделия, изготовленные из руды еленовско-ушкатинских месторождений Приуралья, обнаружены на многих срубных памятниках широкого ареала (Черных, 1970; Членова, 1983). Следовательно, у андроновцев наметилось обособление кузнецов, остававшихся еще внутри общины, и существовал обмен.

Основным типом жилища в евразийских степях была большая полуземлянка, рассчитанная на обитание большесемейной общины (иногда с несколькими мальми очагами, возможно, предназначенными для малых парных семей). Дома группировались в поселки, которые можно рассматривать как место жительства патронимии, имевшей общее кладбище; поселки располагались по малым рекам, составляя отдельные микрорайоны, в которых можно видеть территории родовых групп. Микрорайоны концентрировались в локальные варианты, которые есть основания соотносить с отдельными племенами, поскольку их территория отделена от соседнего варианта необжитой зоной и, главное, поскольку в пределах локального варианта выявляются некоторые особенности гончарного производства, являющегося важнейшим этнографическим признаком, отражающим племенную специфику.

Первоначально хозяйство степняков было оседлым комплексным, сочетавшим занятия земледелием с придомным скотоводством, что доказывается, во-первых, монументальностью долговременных андроновских домов, во-вторых, на-

личием в них ям для хранения зерна, в-третьих, находками зерен злаков, земледельческих орудий, серпов, пестов, зернотерок.

По остеологическим данным андроновских поселений, на первом месте по количеству особей в стаде в лесостепи стоит корова, в степи — овца, на третьем — лошадь. Учитывая большую плодovitость овцы и ее малый вес, устанавливается, что в мясном рационе андроновцев в степи говядина составляла 60-70%, конина — 20-30%, баранина — только 10% (Цалкин, 19726, с.80). Таким образом, в экономике андроновцев в XVII-XIV вв. до н.э. главная роль принадлежала крупному рогатому скоту. При придомном скотоводстве скот зимой содержат в загонах, а летом пасут на близлежащих пастбищах и вечером пригоняют в поселок для дойки, что гарантирует определенный пищевой рацион.

Однако придомное скотоводство не дает возможности прироста поголовья скота, численность которого строго лимитирована ограниченной территорией ближайших угодий; к тому же от постоянного перевыпаса за 20-25 лет пастбища истощаются и приходится переносить поселок на новое место. Интенсификация животноводства в степях могла быть достигнута только путем перехода от придомного к полукочевому типу скотоводства. При полукочевом (яйлажном) скотоводстве основное население живет в стационарном поселке, а пастухи весной угоняют стада на дальние пастбища в пустыню или на высокогорные альпийские луга, зимой же скот возвращается, часть стада содержится у поселка, но не в загонах, а в степи, в стаде возрастает процент лошадей и овец, способных совершать длительные перекочевки и добывать корм из-под снега (тебеневать).

Эта более прогрессивная форма хозяйства зародилась в степях еще в энеолите и развитии бронзовом веке (Шилов, 1975), но особенное значение приобрела в последней четверти II тыс. до н.э. в южных степных андроновских областях, что доказывается различиями в остеологических материалах зон: в лесостепи на долю овец приходилось около 40% особей, в степи — около 60 и даже 80% (Цалкин, 19726, с.80, табл.15); резко возросла роль лошади, поголовье которой увеличивается в лесостепи с 7-10 до 15-18%, в степи с 14 до 30-36%.

Утверждению в азиатских степях полукочевой формы хозяйства способствовал ряд факторов, медленно вызревавших в недрах пастушеского общества в предшествующие эпохи.

1. Среди всех культур бронзового века Евразии именно андроновская обладала стадом, наиболее пригодным для перекочевки, в котором полностью отсутствовала свинья, а главная роль перешла к лошади и овце (Цалкин, 19726, с.66-81). Именно андроновцами впервые в степях стал использоваться и сделаться культовым животным двугорбый верблюд, необходимый при перекочевках. Роль этого животного документируется находками костей верблюдов на посе-

лениях, ритуальными захоронениями, изображениями в пластике и на петроглифах (Кузьмина, 1963б; 1980а). Андроновцы научились перерабатывать и хранить молочные продукты: найдены сосуды с отверстиями, предназначенные для приготовления сыра (Сальников, 1951, с.124).

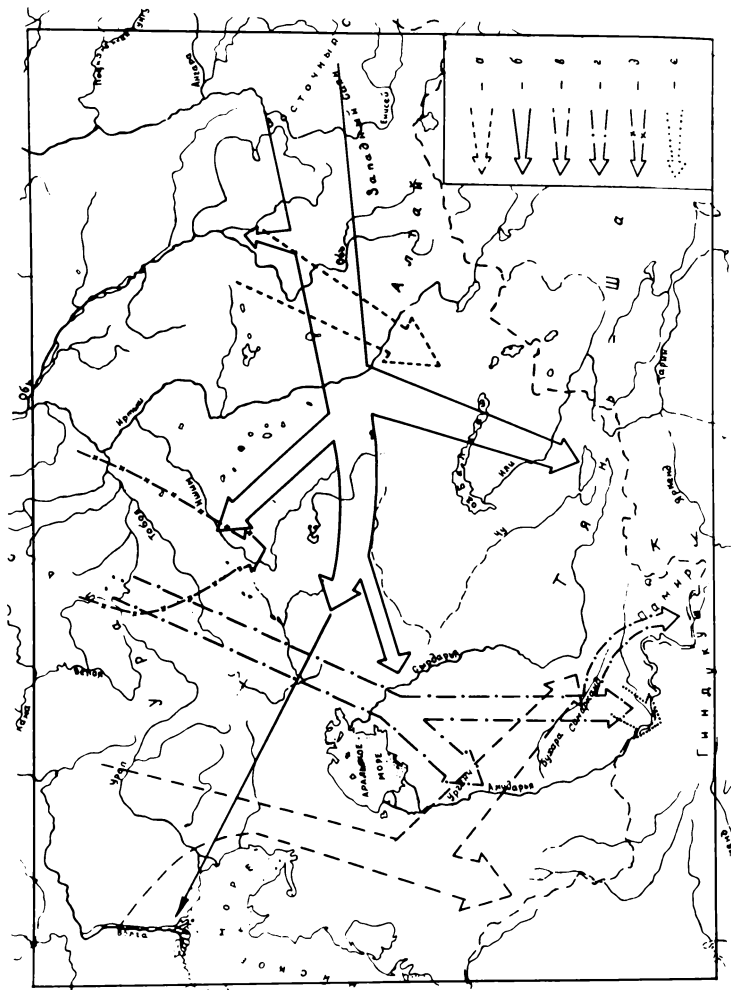
2. Важнейшей инновацией явилось изобретение легкого каркасного жилища — протоюрты, без которого невозможны дальние передвижения. Многогранные или круглые жилища с легким каркасом из жердей открыты на поселениях Чаглинка, Атасу, Бугулы, Новоникольское I, Петровка II, на стоянке Джанбас 34 в Хорезме (Маргулан и др., 1966, с.208, 248; Оразбаев, 1970, с.136—139; Зданович С.Я., 1979, с.9; Итина, 1977, с.105, 106).

3. Большое значение имело также совершенное андроновцами изобретение колодцев. Они выявлены на поселениях Тасты-Бутак, Чаглинка и других (Сорокин, 1962; Оразбаев, 1970). Картографирование стоянок пастухов второй половины II тыс. до н.э. в пустынях Средней Азии показывает, что они тянутся с севера на юг цепочками и приурочены к колодцам, которые использовались вплоть до XX в., отмечая маршруты сезонных перекочевок, впервые проложенные пастухами бронзового века (Виноградов А.В. и др., 1973, с.102—103; Кузьмина, Ляпин, 1983).

4. Немаловажно было также умение пастухов хорошо ориентироваться в степи, привычка периодически менять место жительства. Комплекс этих факторов способствовал переходу андроновцев сначала к полукочевому, а затем и к кочевому хозяйству, причина же этого перехода крылась в самом характере экстенсивного скотоводства, требующего для увеличения поголовья скота расширения пастбищ.

Поскольку на севере территория степи ограничена зоной тайги, непригодной для скотоводов, то новые угодья можно было искать только на юге, что и определило направление миграций.

Возможно, что продвижению на юг способствовала и смена экологических факторов. Известно, что в степи периодически складываются благоприятные для скотоводства условия, за короткое время возрастает поголовье скота и возникает давление избыточного населения, что требует передела пастбищ и вынуждает часть населения мигрировать. В другие периоды возникают неблагоприятные условия, эпизоотии, что также становится причиной миграции, побуждая покинуть район, ставший непригодным для традиционного хозяйства. По некоторым данным, в XIII—X вв. до н.э. климат в степях стал более суровым и неблагоприятным. В это время возникла и политическая причина миграции андроновского населения на юг: из Центральной Азии и Южной Сибири в Казахстан стали продвигаться племена карасукской культуры, а с севера двинулись в Казахстан лесные народы. Комплексом этих причин можно объяснить активизировавшийся-

ся в XIII—XII вв. до н.э. процесс медленного, но неуклонного продвижения пастушеских племен на юг (рис. 6).

Классификация срубных и андроновских материалов (Агапов и др., 1983; Зданович Г.Б., 1973; 1984; Кузьмина, 1982) позволяет в настоящее время установить их культурную принадлежность, а также исходную территорию и время миграций.

Одна волна срубников из Поволжья и Приуралья достигла Ташкентского оазиса, где ими оставлены погребения в Янги-Юле, Ореховском, у Сараагачских минвод (Оболдуева, 1955). По обряду (ориентировка на восток и север, охра) могилы типичны для срубной культуры Поволжья, по неорнаментированному горшкам они датируются III и IV этапами.

Основной поток срубников шел от левобережья р.Урал вдоль северного и восточного берега Каспийского моря, где тянется на юг цепочка стоянок у колодцев, и далее вдоль южной кромки песков Каракум и вдоль р.Мургаб у границы с поселениями древних земледельцев культуры Анау. На стоянках восточного Прикаспия и Туркменистана обнаружена грубая лепная керамика без орнамента или с бедным геометрическим декором и с налепными валиками (Кузьмина, 1963в), а также каменные стрелы, бронзовый дротик (БалаИшем) и копье (Ашхабад), по форме и составу металла (оловянистая бронза) типичные для культур евразийских степей (Кузьмина, 1966, с.91, табл.19, 20). Рядом с стоянками открыты могильники Патма-сай и Каралемата-сай в Больших Балханах и Гызылгыкум и Парау I, II у Кызыл-Арвата. Курганы с каменной насыпью или кольцом содержат грунтовую яму или каменный ящик. Погребенные лежат скорчено головой на восток или северо-восток и сопровождаются сосудами с бедным геометрическим орнаментом или без декора (Мандельштам, 1966). Обряд и керамика типичны для позднесрубной культуры Поволжья; каменные конструкции указывают на андроновское влияние.

Пришлый характер пастушеского населения подтверждается данными антропологии: черепа из могильников Туркмении принадлежат к протоевропеоидному типу евразийских степей (Гинзбург и др., 1972, с.69-70).

В керамике стоянок Туркмении черты, характерные для раннесрубной посуды I и II этапов, отсутствуют, она находит аналогию среди позднесрубной посуды Поволжья IV и V этапов. Следовательно, миграция на юг из Поволжья и Приуралья происходила на позднем этапе развития срубной

← Рис. 6. Этнические движения в XII—IX вв. до н.э.

(а — лесные культуры Сибири; б — дандыбаевская культура;

в — срубная культура IV и V этапов; г — федоровский тип;

д — черкаскульская культура; е — бишкентская (вахшская) культура)

культуры. Пришлое пастушеское население вошло во взаимодействие с аборигенами-земледельцами культуры Анау. Керамика степного типа многочисленна в культурном слое периода Намазга VI анауских поселений в подгорной полосе Копет-Дага — Анау, Елькен-тепе, Намазга, Серманча, Теккем и на Мургабе — Аучин, Тахирбай 3, 13, 15, Гонур 1, Таип и др. (Массон, 1959, с.27, 116, табл. XI; Кузьмина, 1963в; Сариниди, 1975; Масимов, 1979, с.121, рис.6, 30—36). В Теккем-тепе выявлена драматическая картина пожара и гибели земледельческого поселка, на пепелище которого пришельцы-пастухи устроили свое становище (Ганялин, 1956, с.36). На поселениях Намазга, Елькен, Таип степная керамика с налпным валиком также перекрывает культурный слой Намазга VI. Эти данные позволяют утверждать, что вторжение с севера степных скотоводческих племен способствовало гибели культуры земледельцев, видимо, переживавшей внутренний кризис.

Другая волна пастушеских племен двигалась на юг из западноандроновских областей по Эмбе на Мангышлак, где андроновская волна сливалась со срубной.

Третий поток из Приуралья и Западного Казахстана шел в Северное Приаралье (стоянки у Аральска и Саксаульской) и далее в Кызылкумы и на территорию тазабагыябской культуры в Хорезм. Андроновская посуда федоровского и особенно кожумбердинского типов найдена в Бешбулаке, на стоянках Джанбас 34 и Кокча 19, на Акчадарье в заполнении тазабагыябского арыка, на поселении Кокча 15, где тазабагыябское жилище №7 перекрыто слоем андроновской керамики, из чего следует, что андроновские пастухи освоили для сезонного выпаса стад одно из русел Акчадарьи после пересыхания ирригационных каналов, вынудившего земледельцев-тазабагыябцев покинуть этот участок (Ити-на, 1977, с.79—82, 104—109, 119—121, 136, рис.3, 22, 24, 39, 40, 57, 59, 61).

Другой район распространения андроновцев составляют горы, окружающие оазисы Ташкента и Самарканда. В Аурахмате, Искандере, Муминабаде, Чакка открыты погребения, по обряду трупоположения с литыми браслетами и рожками или серьгами с раструбом родственные позднеандроновским погребениям Центрального Казахстана предбазинского времени, т.е. XII—XI вв. до р.э. (Кузьмина, 1966, с.71, 72; Аскарлов, 1969).

В горах Тянь-Шаня исследован могильник Арпа, по обряду трупосожжения и сосудам с ковровым орнаментом аналогичный памятникам федоровского типа Центрального Казахстана XIV—XIII вв. до н.э. (Бернштам, 1952, с.19—20). Позднефедоровская посуда найдена на Иссык-Куле и в Пригородном.

В горах Семиречья изучены могильники Таш-түбе II, Таш-Башат, Бешташ, Джазы-Кечу (Каракмат), Тегирменсай и др. с оградами, содержащими захоронения с погребенными, ле-

жащими скорченно головой на запад, или с трупосожениями, сопровождающимися украшениями, ножом и бедно орнаментированной керамикой (Кузьмина, 1970; Галочкина, 1977), аналогичной посуде поселений Джал-Арык, Фрунзе и Каинда, где она сосуществует с посудой с наклепным валиком, что определяет дату могильников Семиречья XII—X вв. до н.э. Семиреченские могильники близки памятникам позднеатасуского и предбегазинского типов Центрального Казахстана. Это позволяет связать появление семиреченских памятников с освоением группами андроновских племен богатых пастбищ Тянь-Шаня.

Далее на юг андроновские могильники открыты на Памире в Кокуйбель-су, Кзыл-рабате, Южбоке II (Литвинский, 1962, с.246—248; Бабаев, 1980). Как и на Тянь-Шане, сочетаются обряд трупосожения и скорченного трупоположения и грубые сосуды, обычные для других позднеандоновских памятников. На Памире открыты также петроглифы с изображением колесниц, аналогичные наскальным изображениям Казахстана и Киргизии.

Андроновская керамика позднефедоровского типа есть в Северной Бактрии на стоянке у совхоза Кирова, у Джилікульской переправы, у Кара Буры, на Вахше, Саксанохуре (Литвинский и др., 1972; он же и др., 1969, с.161), на поселениях Кангурт-туд и Тегузак и в могильнике Тандыр-йул (Пьянкова, 1981; Виноградова, 1980; Kouzmina, Vinogradova, 1983) позднего моллалитепинского этапа бактрийского варианта земледельческой культуры Анау фазы Намазга VI. На поселениях найдены металлические изделия, по форме и составу (высокооловянистая бронза) типичные для восточноандоновской металлургической провинции: хвостатые ножи, в Кангурт-туде — литейная форма кинжала с кольцевым упором, характерного для памятников алексеевского типа XII—X вв. до н.э., на поселении Карим-Берды в комплексе с керамикой типа Яз I — позднеандоновский кельт со сквозной втулкой X—VIII вв. до н.э.; в случайных находках в Согде и Бактрии известны другие типы позднеандоновских кельтов и разнотипные стрелы (Кузьмина, 1966, с.23, 34).

На поселениях Кангурт-туд и Тегузак выявлены большие жилища с глинобитными стенами на каменном фундаменте с глиняным раствором. Эта строительная техника находит аналогии в позднеандоновском домостроительстве Центрального Казахстана (Маргулан, 1979, с.299). Интересно, что аналогичные конструкции зафиксированы в Свате в Алиграме и Бир-Кот-Гхундай (Stacul, 1978, с.137f). Основное занятие населения поселков — отгонное скотоводство, на что указывают топография, остеологические материалы и головка лошадки из Кангурт-туды. В керамическом комплексе сочетаются сделанная на гончарном круге посуда, типичная для позднего моллалитепинского этапа бактрийского (сапаллинского) варианта земледельческой культуры перио-

да Намазга VI, и лепная посуда, среди которой выделяется керамика позднеандроновского типа. В шурфе на Тегузаке последняя составляет до 43%.

Федоровские черты проявляются в погребении 25 могильника Тандыр-йул: в каменной ограде, в ориентированной на юго-запад могиле захоронена женщина с типично федоровской серьгой с раструбом и сосудом с каннелюрами позднефедоровского типа. Еще один андроновский горшок найден в могиле №2 в комплексе с круговыми сосудами. В других могильниках Северной Бактрии единичные позднефедоровские сосуды сочетаются и с гончарными горшками земледельцев, и с посудой скотоводческой бишкентской культуры.

Сложная и дискуссионная проблема формирования и связей бишкентской культуры здесь не будет рассматриваться, но следует отметить, что, по мнению А.М.Мандельштама (1968) и Е.Е.Кузьминой (1972а, б), в ее сложении участвовал андроновский комплекс, а могильники этой культуры сопоставимы с некрополями Свата и Гомала, с которыми они сближаются по ряду черт погребального обряда (сочетание кремации и ингумации, каменные ограды), по типам сосудов и украшений, распространению культа коня и ритуальных захоронений животных, не имеющих истоков в предшествующих культурах Индостана и восходящих к кругу евразийских степных культур.

Проникновение и воздействие северных пастушеских племен прослеживается также в Южной Бактрии: на левобережье Амударьи найдена степная керамика (Сарианиди, 1977, рис.66), а на поселении Шортугай степная керамика стратиграфически залегает выше слоя хараппской культуры и перекрывающих хараппский город погребений бишкентской культуры Бактрии (Francfort H.-P., 1979).

Таким образом, южные форпосты проникновения пастушеских евразийских племен прослежены вплоть до Афганистана и северо-запада Индостана. С этим движением, несомненно, связано и появление на поселении Мергар в Пакистане фигурок лошадей и двугорбых верблюдов, и распространение на севере Индостана изображений колесниц на петроглифах, стилистически сходных не с переднеазиатскими профильными, а с андроновскими плановыми (Кузьмина, 1982).

Воздействием последней волны пастушеских племен позднебронзового века, вероятно, обусловлена мода орнаментировать сосуды налепными валиками. Лепная керамика с налепными валиками с косыми насечками, щипцами и спускающимися усами типична для памятников самого конца эпохи бронзы (XI—IX вв. до н.э.) в Туркмении (Яз I), Узбекистане (Кучук), Афганистане (Тилля-тепе) (Массон, 1959; Аскарв, Альбаум, 1979; Сарианиди, 1972). Возникшая в технике ручного налета, орнаментация налепными валиками не имеет истоков в гончарной посуде земледельческих культур переднеазиатского круга. Она появилась в южно-

русских степях и Подунавье в XIII в. до н.э. и характерна для позднебронзовых культур широкой зоны евразийских степей XIII–IX вв. до н.э.: Ноа в Подунавье, позднесрубной сабастиновского и белозерского этапов на Украине, хвалынского и нурского этапов Поволжья, позднеандроновской алексеевского типа в Казахстане.

Посуда с налепными валиками с усам известна в Иране в тепе Гияне в верхнем слое (Contentau, Ghirshman, 1942, р.1.8, 13), где найдены также типично степные двукольчатые удила, псалии и литые бляшки с петелькой, указывающие на присутствие северного населения, которое Р.Гиршман первоначально считал иранцами, мигрировавшими из степей.

Наконец, керамика с валиками с усам присутствует в Трое, в слое VII В, который датирован К.Блегеном (Blegen, 1958, с.2) 1200–800 гг. до н.э. и связан с миграцией группы индоевропейского населения из Подунавья в Малую Азию.

Появление валиковой орнаментации на посуде, а также сопутствующее ему распространение двукольчатых удил, псалий и литых бляшек с петелькой, известных по находкам в Иране (Гиян), Афганистане (Тилля-тепе, Нади Али), Свате, отражает продвижение на юг северных пастушеских племен.

Приведенные данные указывают на основное направление этнических передвижений в Евразии во II тыс. до н.э., шедших с севера на юг, что соответствует традиционной точке зрения о локализации прародины индоиранцев в евразийских степях и их последующем продвижении через территорию Средней Азии в Индию и Иран.

Что касается земледельцев Ирана и юга Средней Азии, то в силу специфики оседлого ирригационного земледельческого хозяйства они были привязаны к оазисам и, не имея ни многовекового опыта перекочевок в пустынях и высокогорьях, ни необходимых для этого стада, транспорта, жилища, инвентаря, не были способны совершить массовое переселение в Причерноморье из Ирана через Среднюю Азию и Прикаспий. Никаких следов такой миграции в археологических материалах нет.

Эти данные позволяют видеть в носителях одной или нескольких археологических культур евразийской степи — и прежде всего в андроновской — древних индоиранцев.

IV. ГЕНЕЗИС КАТЕГОРИЙ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИНДОИРАНСКИХ И ИРАНСКИХ НАРОДОВ

Серьезным подтверждением этой гипотезы служит сохранение в этнографии современных народов Таджикистана, части Афганистана и Северо-Западного Пакистана, говорящих на реликтовых иранских и индоарийских языках, тради-

ций материальной и духовной культуры, восходящих к андроновской эпохе, и установление непрерывной генетической преемственности этих традиций от эпохи бронзы. Особенно важны такие этнически определяющие категории, как гончарство, домостроительство, костюм, круг религиозных представлений.

Гончарство. В эпоху энеолита в Старом Свете сложились две большие резко отличные зоны керамического производства.

I. В зоне древних земледельцев Передней Азии выделилось специализированное гончарное ремесло, мастера-ремесленники работали на рынок, посуда изготовлялась на гончарном круге, обжигалась в специальных горнах и покрывалась росписью. В Месопотамии круг был изобретен в середине IV тыс. до н.э., в Индии употреблялся с предхарапской эпохи, в Иране — с периода Сялук III, 4, Гиссар I, B, в Туркмении — с III тыс. до н.э. с периода Намазга IV (Francfort H., 1927; Массон, 1956, с.295—309; Масимов, 1976). С III тыс. в Иране (Шах-тепе, Гиссар) и части Туркмении (Ак-тепе) изготовлялась гончарная серо-черная керамика.

II. В зоне пастухов евразийской степи (а также в Центральной Европе) керамическое производство оставалось домашним, женщины лепили посуду вручную, спиральным или кольцевым налепом, обжигали ее в костре и орнаментировали штампованным декором (Воеводский, 1936). Андроновцы применяли формовку на матерчатом шаблоне и технику кольцевого налепа из трех лент с донным началом и орнаментировали сосуды штампованным узором и налепными валиками (Кузьмина, 1983). Та же технология гончарства сохранилась у сменивших андроновцев в раннем железном веке ираноязычных савроматов и саков (Смирнов, 1964, с.112—127; Акишев К.А. и др., 1963, с.265, 266). В неизменном виде женское ручное гончарство дожило до наших дней на Памире; мастерицы применяют андроновские методы формовки на шаблоне, кольцевой налеп и костровой обжиг (Пешерева, 1959). Совершенно аналогичная техника используется реликтовыми индоарийскими группами в Северо-Западном Пакистане в Читрале, Гомале и Свате (Rue, Evans, 1976).

Анализ ведических текстов, изданных В.Рау (Rau, 1972) — Шатапатха-брахманы и четырех самхит Черной Яджурведы, — содержащих подробное предписание способа изготовления ритуальных сосудов, показывает, что ведические арии применяли ту же технологию, что и современные дарды, кафиры, памирцы и древние андроновцы. Керамика лепилась вручную методом кольцевого налепа из трех лент с донным началом, обжигалась в костровой яме и орнаментировалась налепными валиками и изредка — штампом. Особенно существенно сходство техники кольцевого налепа в три ленты и наличие квадратных сосудов, специфичных именно для андроновского гончарства, которые не могли возникнуть конвергентно.

В ведических источниках подчеркивается отличие ритуальной посуды, изготовленной самими ариями традиционным методом, "как делали ангирасы — отцы", обученные гончарству богиней-матерью Адити, от бытовой посуды, сформированной на гончарном круге аборигенным ремесленником-шудрой, не принадлежащим к арийской общине. Из этого следует, что традиции ручного гончарства были принесены ариями с прародины, которая может локализоваться только в евразийской степи, поскольку в Передней Азии, Иране и Индии эта технология не применялась (Грантовский, 1981; Кузьмина, 1983). Эта гипотеза надежно подтверждается и лингвистическими данными: название ведийского ритуального сосуда "укха", согласно словарю М. Майрхофера, имеет индоевропейские соответствия в латыни и готском, ведийское "капала" — в латыни. Название сосуда "кумбха" безупречно соответствует авестийскому "хумб", таджикскому "хум", памирскому (ягнобскому) "хумб" — сосуд и площадка для обжига; название "куллала", которое в позднем санскрите стало обозначать горшечника, соответствует ягнобскому "калла" — "глина", "сосуд", согдийскому "калла" — "глина", "кувшин", а нижняя часть заготовки сосуда "бунук" в таджикском восходит к авестийскому "буна" — "низ" и ведическому "бундхья" — "дно", "нижний мир".

Следовательно, гончарство ведических ариев было родственно керамическому производству ираноязычных народов, и истоки сложения этой единой традиции прослеживаются не в земледельческих культурах Ирана и Передней Азии, а в пастушеских культурах евразийской степи, прежде всего — андроновской.

Домостроительство. В эпоху энеолита в Старом Свете выделились две большие резко отличные зоны домостроительства.

I. В зоне древних земледельцев Передней Азии сложилось жилище так называемого индоевропейского типа. Это наземный многокамерный дом из пахсы или кирпича, обычно с внутренним двором, с плоской кровлей, с закрытой печью-тануром или камином. Социальная функция жилища — место обитания нескольких малых семей. Основной тип поселения — кварталы сплошной застройки (ТТСЖ, 1981; Массон, 1976, с. 119-120).

II. В зоне пастухов евразийских степей (а также отчасти в Центральной Европе) сложился тип полуземляночного большого однокамерного дома каркасно-столбовой конструкции из дерева, иногда с глиняной обмазкой, с двускатной коньковой крышей, открытым очагом или костром. Социальная функция жилища — место обитания большой патриархальной семьи. Основной тип поселения — свободная застройка.

В безлесных районах наряду с домами с двускатной кровлей сооружались жилища с пирамидально-ступенчатым сводом из уменьшающихся сверху деревянных рам со световым от-

верстием вверх (Грязнов, 1953, с.144, рис.63; Маргулан, 1979, с.305, рис.220).

В разных зонах при зарождении архитектуры жилища строительная техника была обусловлена экологическими причинами, а планировочное решение — социально-экономическими потребностями общества. Однако, будучи выработаны в эпоху неолита, домостроительные навыки в дальнейшем стали традиционными чертами культуры у конкретных народов, длительно сохранялись у потомков и переносились при миграции в иную географическую зону, став этническим индикатором. Непосредственное продолжение срубно-андроновские домостроительные традиции нашли в архитектуре ираноязычных племен раннежелезного века саков, савроматов и скифов (Граков, 1971, с.61, 62, 152, 153; Акишев К.А. и др., 1963, с.31–40; Смирнов, 1964, с.89, 90). При переселении потомков скифов осетин на Кавказ у них сохранился тип большого дома, близкий скифскому и срубно-андроновскому и существенно отличающийся от сакли соседних аборигенных народов Кавказа (Калоев, 1971, с.145–163). Жилище осетин напоминает дом нартов, а некоторые осетинские архитектурные термины восходят к древнеиранским (Абаев, 1965, с.130). Андроновские домостроительные традиции сохранились и на противоположном конце пояса евразийских степей — у ираноязычных народов горного Таджикистана и Афганистана. Здесь строят большие однокамерные дома-полуземлянки с пирамидально-ступенчатой кровлей (чор-хона), в которых проживает по 40–80 членов большой патриархальной семьи (Андреев, 1958, с.267–273, 420–480; Воронина, 1951, с.256–271). Дома аналогичной конструкции сохраняются в Пакистане, в Читрале (Stein, 1912, fig.20).

Близкий тип дома представлен на зимниках ираноязычных скотоводов — курдов, кочующих в Передней Азии (ТТСЖ, 1981, с.78–79). В Гиляне, Мазендеране, Нуристане, у джемшидов Афганистана сооружаются деревянные дома с каркасно-столбовой конструкцией и двускатной кровлей (ТТСЖ, 1981, с.106, 107, 134–136; Гафферберг, 1948, с.131).

Таким образом, в окраинных районах Ирана и Афганистана и у пастушеских ираноязычных народов Ирана и Передней Азии сохраняются жилища, отличные от домов индопереднеазиатского типа, не имеющие истоков в ближневосточном домостроительстве эпохи бронзы, но находящие аналогии и прототипы в степях Евразии, что, видимо, указывает на северный генезис их создателей.

Не исключено, что таково же происхождение дома центрально-североиндийского типа, имеющего деревянный каркас и двускатную коньковую крышу (ТТСЖ, 1981). Эти дома принадлежат только представителям высоких каст и этнокастовых групп, сохраняющим институт большой патриархальной семьи и ведущим свой род от ведических ариев. Поскольку эти жилища соседствуют с домами индопереднеазиатского типа, принадлежащими лицам низших каст, и строятся в

различных географических зонах, можно полагать, что их специфика обусловлена не экологическими условиями, а домостроительными традициями, чуждыми создателям древнеиндийской цивилизации и принесенными ариями из зоны евразийских степей, где прослеживается генезис этих традиций.

Л.Рену (1939) проанализированы ведические тексты, содержащие описания постройки и разборки жилища, на основании которых дом ведических ариев реконструируется как большая прямоугольная полуземлянка площадью около 100 кв.м (12—16×10—12 шагов) каркасно-столбовой конструкции с вкопанными в пол многочисленными столбами по периметру и центральными поддерживающими кровлю опорными столбами, главный из которых называется "царским". Тип кровли, сооруженной из уложенной поверх балок соломы или циновки, не вполне ясен; не исключено, что в одних случаях описана коньковая двускатная крыша, в других — пирамидально-ступенчатый свод, как в памирском доме. Вход-пандус закрыт дверью, в центре находятся очаги: круглые хозяйственные и прямоугольный культовый. Очень близко данное в Авесте в Ардвисур Яште (V, 101) описание жилища Анахиты: "дом... с сотней световых отверстий... с тысячей опорных столбов". Из всех археологически засвидетельствованных домов Евразии II тыс. до н.э. эти описания наиболее соответствуют большому андроновскому каркасно-столбовому жилищу с рядами опорных столбов и пирамидально-ступенчатой кровлей со светодымовыми отверстиями.

Эта гипотеза подтверждается лингвистическими данными. Название дома в индоиранских языках — общеиндоевропейское (Renou, 1939, с.497-498; Барроу, 1976, с.98), и у всех индоевропейских народов оно обычно прилагается к деревянному жилищу с двускатной кровлей, а не к переднеазиатскому. Названия опорного столба, двери также общеиндоевропейские. Общеиранское название жилища восходит к глаголу "кан" ("копать"), т.е. отражает жилище типа землянки. Общеиранский термин *vi-dá* "строить жилище" засвидетельствован в Авесте (Benveniste, 1955, с.301) и сохранился в шугнанском *wibun* "потолок" для обозначения пирамидально-ступенчатого свода "чор-хона". К авестийскому слову "стуна" — "столб", имеющему соответствие в санскрите, восходит персидское и таджикское "сутун" и шугнанское "сетан" — опорный столб памирского дома (Лившиц, 1963, с.141, 505).

Следовательно, древние иранцы и ведические арии имели общие домостроительные традиции, восходящие не к архитектуре дома индоевропейского типа, а к большому каркасно-столбовому жилищу пастушеских культур евразийских степей, прежде всего — андроновской.

Костюм. Во II тыс. до н.э. в Евразии известно два различных типа костюма, детали которых были обусловлены

экологическими и хозяйственными особенностями зон. Костюм земледельческих народов Передней Азии и Ирана хорошо известен по многочисленным изображениям в искусстве. Мужчины носили длинную широкую одежду свободного покроя, а иногда только юбку и ходили босиком или в сандалиях, головные уборы отсутствовали. Варианты этих костюмов сохранились у аборигенных переднеазиатских народов в первой половине I тыс. до н.э. и представлены, например, на рельефах Персеполя (Dutz, 1971).

Костюм пастушеских народов евразийской степи реконструируется по археологическим данным. В могильнике Орак найден кожаный островерхий колпак, в Андронове, Ораке и Пристани — остатки шерстяных вязаных или плетеных шапок с высоким коническим верхом и спускающимися наушниками. Остроконечные колпаки реконструируются также по расположению украшений в Алакуле, Алыпкаше и Улюбае (Сосновский, 1934, с.95, 96; Максименков, 1978, с.14, 72; Сальников, 1951, с.139) и в срубном погребении Золотая Нива II в Поволжье (АО 1976, с.150).

Аналогичные колпаки были отличительной особенностью и этническим атрибутом костюма ираноязычных кочевников степи I тыс. до н.э., о чем свидетельствуют письменные источники (Геродот, VII, 64), изображения в искусстве и находки в скифских и сакских курганах (Степанов, 1916, табл.V, VI; Кузьмина, 1958, с.124, 125; Мирошина, 1977, с.79 и сл.; Акишевы А.К. и К.А., 1980, с.14–31). Следует подчеркнуть, что, судя по рельефам Персеполя и произведениям коропластики и глиптики, в I тыс. до н.э. колпак был принадлежностью костюма не только кочевников степи, но и ираноязычных земледельцев Хорезма, Согда, Бактрии, Ирана и Мидии (Dutz, 1971, taf.13, 15, 17; Dalton, 1964, pl. IV, X, XIV, XV, XLI).

Название колпака — *kurpāsa* — древний общий индоиранский термин (Bailey, 1955), из чего следует, что индоиранцы носили его еще на прародине. В Передней Азии и доахеменидском Иране эта принадлежность костюма была неизвестна¹⁸, генезис ее прослеживается в степях.

Обувью андроновцам служили кожаные высокие сапоги, перевязанные у щиколотки ремнем с бусами. Сапоги найдены в погребениях Орак и Пристань (Максименков, 1978, с.14), а завязки — во многих андроновских могилах. Такую же обувь носили кочевники евразийских степей в I тыс. до н.э., судя по находкам в курганах и изображениям в искусстве (Степанов, 1916, табл.V, VI; Руденко, 1953, с.111).

На рельефах Персеполя в сапогах представлены не только саки и скифы, но и земледельческие ираноязычные наро-

¹⁸ Индоевропейцы хетты носили колпаки другого фасона, а фракийцы и фригийцы — фасонов, близких к иранским.

ды — хорезмийцы, бактрийцы, мидийцы, персы (Dutz, 1971, Taf.1, 3, 4, 7, 13, 15, 17; Dalton, 1964, pl.XIV, XV). В степях сапоги известны с ямного времени (АО 1983, М., 1985, с.360). Поскольку андроновцы носили сапоги, им, вероятно, были известны брюки — идеальная одежда степных наездников. Судя по персидским рельефам и изображениям Амударьинского клада, брюки были принадлежностью костюма и земледельческих ираноязычных народов (Dutz, 1971, Taf.1, 3, 4, 7, 11, 13, 15—17; Dalton, 1964, pl.XV). Х.Бейли (Bailey, 1955) установлено, что слово "штаны" — древний общеиндоиранский термин, следовательно, брюки степняков возникли на прародине.

Андроновские женщины носили две косы, что устанавливается по находкам нитей бус с наконечниками в погребениях в Алексеевке, Алакуле, Таты-Бутаке, Байту, Сатане, Улюбае и др. В ахеменидскую эпоху, судя по материалам глиптики, во всем переднеазиатском регионе такую прическу носили только ираноязычные персиянки и бактрийки (Кузьмина, 1979, рис.1, 2).

Итак, важнейшие этнографические индикаторы: женская прическа, головной убор, костюм и обувь — резко выделяют ираноязычные народы Ирана, Афганистана и Средней Азии от других народов Передней Азии, которым этот костюм совершенно чужд, но находят соответствие в одежде и прическе ираноязычных кочевников I тыс. до н.э., а пережитки этого комплекса сохраняются у народов Памира (Андреев, 1958, с.243—252, рис.49, 50, 89). Учитывая этнографическую значимость костюма и то, что, по лингвистическим данным, некоторые его части имеют древние индоиранские названия, следует полагать, что он сложился на прародине. Поскольку в переднеазиатском регионе этот костюм не имеет истоков, а его генезис прослеживается в андроновской культуре, эти данные не подтверждают гипотезы о миграции индоиранцев из Передней Азии и служат серьезным аргументом в пользу индоиранской принадлежности андроновцев.

* * *

Вопрос об индоиранской принадлежности андроновцев уже подробно рассматривался (Смирнов, Кузьмина, 1977; она же, 1981а; Генинг, 1977; Членова, 1983). Отмечалось, что реконструируемая по археологическим данным картина хозяйства пастушеских племен евразийской степи в эпоху энеолита и бронзы хорошо согласуется с картиной экономики и быта древнейших индоиранцев, реконструируемой на основании Ригведы и древнейших частей Авесты ("широкий арийский простор" (Арианам Ваэджо), могучие реки, в том числе Рангха (Волга), Рипейские горы (Урал), сочные луга, табуны коней и стада коров, ритуальные жертвоприношения коней и быков, колесницы воинов).

Подчеркивалось, что важнейшими этническими индикаторами, указывающими не вообще на индоевропейскую, а именно на индоиранскую принадлежность андроновской культуры, являются отсутствие в андроновском стаде свиньи, необычайно широкое развитие коневодства и конных колесниц и культ коня и колесницы и распространение верблюдоводства и культа двугорбого верблюда, соответствующие специфике культуры древних индоиранцев, реконструируемой по лингвистическим данным.

Наоборот, данные о хозяйстве и земледельческих, и пастушеских племен Передней Азии не согласуются с картиной быта индоиранцев. Судя по документам из Мари, небольшие общины, основу хозяйства которых составляло подвижное скотоводство, выделились в Передней Азии во II тыс. до н.э. и ютились на окраине плодородных земель в зоне от 100 до 250 мм осадков в год, где земледелие невозможно (Кленгель, 1967; Klengel, 1962, с.585–596; Kupper, 1957). В истории скотоводства на Ближнем Востоке намечаются две стадии: I — овцы и осла, II — верблюда и коня (Walz, 1959). В эпоху бронзы основным было овцеводство. В ассирийскую и ахеменидскую эпохи овцеводство оставалось главной отраслью хозяйства (Геродот, III, 113). Кочевая форма скотоводства, характерная для современных бедуинов, не сложилась вплоть до распространения верблюдоводства и коневодства в I тыс. н.э.

Двугорбые верблюды-бактрианы появились в Передней Азии с востока в ассирийскую эпоху, но не получили широкого распространения. Одногорбые верблюды-дромадеры были domestцированы на Ближнем Востоке и применялись там уже в III-II тыс. до н.э. (Кузьмина, 1963б; 1980а; Buillet, 1975), но верблюдоводство стало главной отраслью хозяйства кочевников только в развитии железном веке. Страбон (XVI, III, 1; IV, 2, 17, 18) сообщает, что в Аравии "кочевники на верблюдах сражаются, разъезжают на них, питаются их молоком и мясом".

Что касается коневодства, то, хотя лошадь была известна в Передней Азии уже в III тыс. до н.э., коневодство не получило там развития (Кузьмина, 1977), и основными поставщиками лошадей вплоть до ассирийской и ахеменидской эпох были области Малой Азии и Армянское и Иранское нагорья, заселенные индоевропейскими коневодческими народами (Янковская, 1956). Распространение же коневодства у кочевников на Ближнем Востоке произошло очень поздно, в Аравии, например, только в средние века, после завоевания арабами Средней Азии (Витт, 1937), причем конными всадниками были только знатные кочевники, рядовые же владели лишь одногорбыми верблюдами.

Таким образом, данные о хозяйстве пастушеских племен Передней Азии, специализировавшихся во II тыс. до н.э. на овцеводстве, а в железном веке — на верблюдоводстве,

не согласуются с картиной быта индоиранцев, что служит еще одним важным аргументом против гипотезы о переднеазиатской прародине индоиранцев.

* * *

Итак, проверка на археологическом материале двух основных лингвистических гипотез о локализации прародины индоиранцев и времени и путях их миграции пока, как будто, не подтверждает переднеазиатской гипотезы.

Напротив, в пользу степной гипотезы свидетельствуют данные об очень ранней социальной стратификации пастушеского общества, начиная с IV тыс. до н.э., и о выделении в нем в XVII—XVI вв. до н.э. воинов-колесничих.

Серьезным подтверждением этой гипотезы являются также археологические данные о культе предков, подкурганном обряде захоронения, сооружении ограды и особых детских кладбищ, сочетании кремации и ингумации, культе огня и очага, бестиарии культовых животных, включающем коня, быка, барана и двугорбого верблюда, что хорошо согласуется со свидетельствами письменных источников и языка об идеологических представлениях индоиранцев.

Это предположение подтверждается данными антропологии: ираноязычные таджики, племена раннежелезного века большей части Средней Азии и евразийских степей были потомками андроновцев, а не эмигрантами из Передней Азии, в то же время группы современного населения Ирана и Северной Индии, принадлежащие к антропологическому типу, сформировавшемуся в Передней Азии, отличаются большой смешанностью, что указывает на участие в их формировании пришлого компонента (Алексеев, 1981, с.199—207).

Индоиранская атрибуция пастушеских культур (прежде всего андроновской) проверялась также методом совмещения археологической карты с картой гидронимов и топонимов¹⁹ и подтверждением на археологических материалах установленных лингвистически контактов индоиранцев с древними греками и финно-уграми (Кузьмина, 1981а). Поскольку были получены непротиворечивые результаты, эти данные, по-видимому, должны учитываться при рассмотрении проблемы происхождения индоиранцев.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев, 1965. — *Абаев В.И.* Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965.
Абаев, 1972. — *Абаев В.И.* К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоевропейских народов. — *Древний Восток и античный мир.* М., 1972.
Абаев, 1981. — *Абаев В.И.* Доистория индоиранцев в свете арио-уральских языковых контактов. — *ЭПИЦАД.* 1981.

¹⁹

Эта работа для Сибири была проделана Н.Л.Членовой (1983).

- Агапов и др., 1983. — *Агапов С.А., Васильев И.Б.* и др. Срубная культура лесостепного Поволжья. — Культура бронзового века Восточной Европы. Куйбышев, 1983.
- Акишев К.А., 1973. — *Акишев К.А.* Саки азиатские и скифы европейские. — Археологические исследования в Казахстане. А.-А., 1973.
- Акишев К.А., Акишев А.К., 1980. — *Акишев К.А., Акишев А.К.* Происхождение и семантика исыкского головного убора. — Археологические исследования древнего средневекового Казахстана. А.-А., 1980.
- Акишев К.А. и др., 1963. — *Акишев К.А., Кушаев Г.А.* Древняя культура саков и усуней долины р.Или. А.-А., 1963.
- Алексеев, 1981. — *Алексеев В.П.* Антропологические аспекты индоиранской проблемы. — ЭПИЦАД. 1981.
- Алиев, 1960. — *Алиев И.* История Мидии. Баку, 1960.
- Андреев, 1958. — *Андреев М.С.* Таджики долины Хуф. Вып. II. Душ., 1958.
- Аскарлов, 1969. — *Аскарлов А.* Раскопки могильника эпохи бронзы в Муминабаде. — ИМКУ. Вып. 8, 1969.
- Аскарлов, 1977. — *Аскарлов А.* Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Таш., 1977.
- Аскарлов, Альбаум, 1979. — *Аскарлов А., Альбаум Л.И.* Поселение Кучуктепа. Таш., 1979.
- Бабаев, 1980. — *Бабаев А.Д.* Могильник Южбок III — памятник эпохи бронзы на западном Памире. — АРТ. Вып. 15, Душ., 1980.
- Барроу, 1976. — *Барроу Т.* Санскрит. М., 1976.
- Березанская, 1960. — *Березанская С.С.* Об одной из групп памятников средней бронзы на Украине. — СА. 1960, № 4.
- Березанская, 1982. — *Березанская С.С.* Северная Украина в эпоху бронзы. Киев, 1982.
- Бернштам, 1952. — *Бернштам А.Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. — МИА, № 26. М.-Л., 1952.
- Вибигов, 1965. — *Вибигов С.Н.* Хозяйственно-экономический комплекс развитого триполья. — СА. 1965, № 1.
- Вибигова, 1967, 1970. — *Вибигова В.И.* К изучению древнейших домашних лошадей Восточной Европы. — БМОИП. XXII, вып. 3, 1967; XXV, вып. 5, 1970.
- Бонгард-Левин, 1969. — *Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф.* Древняя Индия. М., 1969.
- Бонгард-Левин, Грантовский, 1976, 1983. — *Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А.* От Скифии до Индии. М., 1976; 2-е изд. 1983.
- Борисов, 1975. — *Борисов А.А.* Климаты СССР в прошлом, настоящем и будущем. Л., 1975.
- Братченко, 1976. — *Братченко С.Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, 1976.
- Бугаев, 1946. — *Бугаев В.А.* Климат Средней Азии и Казахстана. Таш., 1946.
- Бучинский, 1957. — *Бучинский И.Е.* Древний климат Русской равнины. Л., 1957.
- Вайман, 1961. — *Вайман А.А.* Шумеро-вавилонская математика. М., 1961.
- Васильев, 1981. — *Васильев И.Б.* Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев, 1981.

- Виноградов А.В., 1968. — *Виноградов А.В.* Неолитические памятники Хорезма. М., 1968.
- Виноградов А.В., 1981. — *Виноградов А.В.* Древние охотники и рыболовы среднеазиатского Междуречья. М., 1981.
- Виноградов А.В. и др., 1973. — *Виноградов А.В., Кузьмина Е.Е., Смирин В.М.* Новые первобытные памятники в Северном Приаралье. — Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.
- Виноградов А.В. и др., 1975. — *Виноградов А.В., Мамедов Э.* Первобытный Лявлякан. М., 1975.
- Виноградов Н.Б., 1983. — *Виноградов Н.Б.* Южное Зауралье и Северный Казахстан в раннеалакульский период (по памятникам петровского типа). Автореф. канд. дис. М., 1983.
- Виноградова, 1980. — *Виноградова Н.М.* О раскопках могильника Тандырйул в 1975 г. — АРТ. Вып.15, 1980.
- Витт, 1937. — *Витт В.О.* Лошадь древнего Востока. — Конские породы Средней Азии. М., 1937.
- Воеводский, 1936. — *Воеводский М.В.* К изучению гончарной техники. — СА. 1936, №1.
- Воронина, 1951. — *Воронина В.Л.* Жилище Ванча и Язгулема. — Архитектура республик Средней Азии. М., 1951.
- Воронцов и др., 1972. — *Воронцов Н.Н., Коробицина К.К.* и др. Хромосомы диких баранов и происхождение домашних овец. — Природа. 1972, №3.
- Галочкина, 1977. — *Галочкина Н.Г.* Новые данные об исследовании памятников эпохи бронзы. — Кетмень-тюбе. Фрунзе, 1977.
- Гамкрелидзе, Иванов, 1972. — *Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В.* Проблема определения первоначальной территории обитания и путей миграции носителей диалектов общеиндоевропейского языка. — Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. Тезисы. М., 1972.
- Гамкрелидзе, Иванов, 1980а. — *Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В.* Древняя Передняя Азия и индоевропейские миграции. — НАА. 1980, №1.
- Гамкрелидзе, Иванов, 1980б. — *Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В.* Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема. — ВДИ. 1980, №3.
- Гамкрелидзе, Иванов, 1981. — *Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В.* Миграции племен — носителей индоевропейских диалектов с первоначальной территории расселения на Ближнем Востоке в исторические места их обитания в Евразии. — ВДИ. 1981, №2.
- Ганялин, 1956. — *Ганялин А.Ф.* Теккем-тепе. — ТИИАЭ АН ТуркмССР. Т. II, Аш., 1956.
- Гафферберг, 1948. — *Гафферберг Э.Г.* Жилище джемшидов Кушкинского р-на. — СЭ. 1948, №4.
- Гафуров, 1972. — *Гафуров Б.Г.* Таджики. М., 1972.
- Генинг, 1975. — *Генинг В.Ф.* Хронологические комплексы XVI в. до н.э. — Новейшие открытия советских археологов. Ч.1. Киев, 1975.
- Генинг, 1977. — *Генинг В.Ф.* Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен. — СА. 1977, №4.
- Георгиев, 1958. — *Георгиев В.* Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958.
- Герасимов, 1937. — *Герасимов И.П.* Основные черты развития современной поверхности Турана. — ТИГАН СССР. Вып.25, 1937.

- Герценберг, 1972. — *Герценберг Л.Г.* Морфологическая структура слова в индоиранских языках. Л., 1972.
- Гинзбург и др., 1972. — *Гинзбург В.В., Трофимова Т.А.* Палеоантропология Средней Азии. М., 1972.
- Горбунов, 1976. — *Горбунов В.С.* Классификация абашевских могильников Башкирии. — Древности южного Урала. Уфа, 1976.
- Граков, 1971. — *Граков Б.Н.* Скифы. М., 1971.
- Грантовский, 1970. — *Грантовский Э.А.* Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970.
- Грантовский, 1981. — *Грантовский Э.А.* "Серая керамика", "расписная керамика" и индоиранцы. — ЭПИЩАД. 1981.
- Громова, 1949. — *Громова В.И.* История лошадей (рода Equus) в Старом Свете. — Труды палеонтологического института. XVII. М., 1949.
- Грязнов, 1953. — *Грязнов М.П.* Землянки бронзового века близ хутора Ляпичева на Дону. — КСИИМК. Вып.50, 1953.
- Гулямов и др., 1966. — *Гулямов Я.Г., Исламов У., Аскарлов А.* Первобытная культура в низовьях Зеравшана. Таш., 1966.
- Дандамаев, Луконин, 1980. — *Дандамаев М.А., Луконин В.Г.* Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980.
- Даниленко, 1974. — *Даниленко В.Н.* Энеолит Украины. Киев, 1974.
- Даниленко и др., 1972. — *Даниленко В.М., Шмаглый М.М.* Про один поворотний момент в історії енеолітичного населення Південної Європи. — Археологія. 1972, № 6.
- Динесман, 1977. — *Динесман Л.Г.* Биогеоценозы степей в голоцене. М., 1977.
- Дьяконов И.М., 1956. — *Дьяконов И.М.* История Мидии. М.-Л., 1956.
- Дьяконов И.М., 1981. — *Дьяконов И.М.* К методике исследований по этнической истории ("Киммерийцы"). — ЭПИЩАД. 1981.
- Дьяконов И.М., 1982. — *Дьяконов И.М.* О прародине носителей индоевропейских диалектов. — ВДИ. 1982, № 3, 4.
- Дьяконов М.М., 1961. — *Дьяконов М.М.* Очерк истории древнего Ирана. М., 1961.
- Елизаренкова, 1972. — *Елизаренкова Т.Я.* Древнейший памятник индийской культуры. — Ригведа. М., 1972.
- Ерохина, 1959. — *Ерохина А.А.* Почвы Оренбургской области. М., 1959.
- Збеневич, 1974. — *Збеневич В.Г.* Позднетрипольские племена Северного Причерноморья. Киев, 1974.
- Зданович Г.Б., 1973. — *Зданович Г.Б.* Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области. — ВАУ. Вып.12, 1973.
- Зданович Г.Б., 1984. — *Зданович Г.Б.* К вопросу об андроновском культурно-историческом единстве. — КСИА. Вып.177, 1984.
- Зданович Г.Б. и др., 1980. — *Зданович Г.Б., Зданович С.Я.* Могильник эпохи бронзы у с.Петровка. — СА, 1980, № 3.
- Зданович С.Я., 1979. — *Зданович С.Я.* Саргаринская культура — заключительный этап бронзового века в Северном Казахстане. Автореф. канд.дис. М., 1979.
- Зирра, 1960. — *Зирра В.* Культура погребений с охрой в закарпатских областях РНР. — Материалы и исследования по археологии юго-запада СССР и Румынской Народной Республики. Кишинев, 1960.
- Иванов, 1963. — *Иванов В.В.* Хеттский язык. М., 1963.

- Иванов, 1974. — *Иванов В.В.* Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от аṣva — "конь". — ПИЯКНИ. 1974.
- Иванов, Топоров, 1960. — *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Санскрит. М., 1960.
- Ильинская, 1965. — *Ильинская В.А.* Культурные жезлы скифского и предскифского времени. — Новое в советской археологии. М., 1965.
- Интродукция, 1970. — Интродукция культурных растений. Кишинев, 1970.
- Итина, 1961. — *Итина М.А.* Могильник бронзового века Кокча 3. — МХЭ. Вып.5. М., 1961.
- Итина, 1977. — *Итина М.А.* История степных племен Южного Приаралья. М., 1977.
- Кадырбаев и др., 1977. — *Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н.* Наскальные изображения хребта Каратау. А.-А., 1977.
- Калоев, 1971. — *Калоев Б.А.* Осетины. М., 1971.
- Кальянов, 1967. — *Кальянов В.И.* Некоторые военные вопросы в древнеиндийском эпосе. — Махабхарата. Кн.4. Л., 1967.
- Кассин, 1947. — *Кассин Н.Г.* Материалы по палеогеографии Казахстана. А.-А., 1947.
- Качалова, 1962. — *Качалова Н.К.* К вопросу о памятниках полтавского типа. — АСГЭ. Вып.5, 1962.
- Качалова, 1976. — *Качалова Н.К.* Абашевские элементы в срубной культуре Нижнего Поволжья. — АСГЭ. Вып.17, 1976.
- Качалова, 1978. — *Качалова Н.К.* Ранний горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья. — СА. 1978, № 3.
- Киселев, 1949. — *Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1949.
- Кияшко, 1974. — *Кияшко В.Я.* Нижнее Подонье в эпоху энеолита и ранней бронзы. Автореф. канд. дис. М., 1974.
- Клапчук, 1970. — *Клапчук М.Н.* Стоянка Караганда 15. — СА. 1970, № 4.
- Клезю, 1982. — *Клезю С.* Железный век Тюрнг-тепе и его связи со Средней Азией. — Древнейшие культуры Бактрии. Душ., 1982.
- Кленгель, 1967. — *Кленгель Х.* Экономические основы кочевничества в древней Месопотамии. — ВДИ. 1967, № 4.
- Ковалев, 1965. — *Ковалев П.В.* О различиях в проявлении среднеголоценовой ксеротермической фазы. — Природные и трудовые ресурсы левобережной Украины и их использование. Харьков, 1965.
- Крупнов, Мерперт, 1963. — *Крупнов Е.И., Мерперт Н.Я.* Курганы у станицы Мекенской. — Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963.
- Кузьмина, 1958. — *Кузьмина Е.Е.* Могильник Заман-баба. — СЭ. 1958, № 2.
- Кузьмина, 1962. — *Кузьмина Е.Е.* Новый тип андроновского жилища в Оренбургской обл. — ВАУ. Вып.2, 1962.
- Кузьмина, 1963а. — *Кузьмина Е.Е.* Бронзовый шлем из Самарканда. — СА. 1963, № 4.
- Кузьмина, 1963б. — *Кузьмина Е.Е.* Древнейшая фигурка верблюда из Оренбургской обл. и проблема доместики бактрианов. — СА. 1963, № 2.

- Кузьмина, 1963в. — *Кузьмина Е.Е.* О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы в Средней Азии. — Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М., 1963.
- Кузьмина, 1966. — *Кузьмина Е.Е.* Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. — САИ, В 4-9. М., 1966.
- Кузьмина, 1970. — *Кузьмина Е.Е.* Семиреченский вариант культуры эпохи поздней бронзы. — КСИА. Вып.122, 1970.
- Кузьмина, 1972а. — *Кузьмина Е.Е.* К вопросу о формировании культуры Северной Бактрии (Бактрийский мираж и археологическая действительность). — ВДИ. 1972, №1.
- Кузьмина, 1972б. — *Кузьмина Е.Е.* Культура Свата и ее связи с северной Бактрией. — КСИА. Вып.132, 1972.
- Кузьмина, 1973. — *Кузьмина Е.Е.* Навершие со всадниками из Дагестана. — СА. 1973, № 2.
- Кузьмина, 1974. — *Кузьмина Е.Е.* Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей. — ВДИ. 1974, № 4.
- Кузьмина, 1975. — *Кузьмина Е.Е.* К вопросу о формировании культурного комплекса могильника Кхерай. — КСИА. Вып.142, 1975.
- Кузьмина, 1976. — *Кузьмина Е.Е.* Две коллекции из Западного Казахстана. — Сообщения Гос. Эрмитажа. XLI, 1976.
- Кузьмина, 1977. — *Кузьмина Е.Е.* Распространение коневодства и культура коня... у народов Старого Света. — Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977.
- Кузьмина, 1979. — *Кузьмина Е.Е.* О двух перстнях Амударьинского клада с изображением царик. — СА. 1979, № 1.
- Кузьмина, 1980а. — *Кузьмина Е.Е.* Этапы развития колесного транспорта Средней Азии. — ВДИ. 1980, № 4.
- Кузьмина, 1980б. — *Кузьмина Е.Е.* Роль Северного Прикаспия в истории энеолитических культур Евразии. — Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы. Оренбург, 1980.
- Кузьмина, 1980в. — *Кузьмина Е.Е.* Еще раз о дисковидных псалях евразийских степей. — КСИА. Вып.161. М., 1980.
- Кузьмина, 1981а. — *Кузьмина Е.Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических данных. — ЭПИЦАД. 1981.
- Кузьмина, 1981б. — *Кузьмина Е.Е.* Сложение скотоводческого хозяйства в степях Евразии и реконструкция социальной структуры общества древнейших пастушеских племен. — Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа, 1981.
- Кузьмина, 1982. — *Кузьмина Е.Е.* Андроновская культурная общность. — Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1982.
- Кузьмина, 1983. — *Кузьмина Е.Е.* Происхождение гончарства ведических ариев. — МАЙКЦА. 5, 1983.
- Кузьмина и др., 1982. — *Кузьмина Е.Е., Мерперт Н.Я., Шилов В.П.* Новое в изучении культуры бронзового века евразийских степей. — *Studia praehistorica.* Sofia. 1982, № 5/6.
- Кузьмина и др., 1983. — *Кузьмина Е.Е., Ляпин А.А.* Новые находки степной керамики эпохи бронзы на Мургабе. — Древние культуры Туркменистана. Аш., 1983.
- Курков, 1968. — *Курков А.А.* Основные этапы развития ландшафтов азиатских пустынь в кайнозойе. — ИАН, СГ. 1968, № 6.

- Лагодовська и др., 1962. — *Лагодовська О.Ф., Шапошникова О.Г., Махаревич М.Л.* Михайлівське поселення. Київ, 1962.
- Лелеков, 1978. — *Лелеков Л.А.* [Рец. на:] *Chirahman R.* L'Iran et la migration des indo-aryens et des iraniens. Leiden, 1977. — НАА, 1978, № 5.
- Лелеков, 1982. — *Лелеков Л.А.* К новейшему решению индоевропейской проблемы. — ВДИ, 1982, № 3.
- Лесков, 1964. — *Лесков А.М.* Древнейшие роговые псалли из Трахтемирова. — СА, 1964, № 1.
- Лившиц, 1963. — *Лившиц В.А.* Общество Авесты. — ИТН. Т.1. М., 1963.
- Лисицина и др., 1977. — *Лисицина Г.Н., Прищепенко Л.В.* Палеоботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. М., 1977.
- Литвинский, 1962. — *Литвинский Б.А.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа Кайракумов. — Древности Кайракумов. Душ., 1962.
- Литвинский, 1963. — *Литвинский Б.А.* Бронзовый век. — ИТН. Т.1. М., 1963.
- Литвинский, 1964. — *Литвинский Б.А.* Таджикистан и Индия. — Индия в древности. М., 1964.
- Литвинский, 1967. — *Литвинский Б.А.* Археология Таджикистана за годы советской власти. — СА, 1967, № 3.
- Литвинский, 1972. — *Литвинский Б.А.* Древние кочевники Крыши мира. М., 1972.
- Литвинский, 1981. — *Литвинский Б.А.* Проблемы этнической истории Средней Азии во II тыс. до н.э. — ЭПИЦАД, 1981.
- Литвинский и др., 1969. — *Литвинский Б.А., Мухитдинов Х.* Античное городище Саксанохур. — СА, 1969, № 2.
- Литвинский и др., 1972. — *Литвинский Б.А., Соловьев В.С.* Стоянка степной бронзы в Южном Таджикистане. — УСА. Вып.1, 1972.
- Луконич, 1977. — *Луконич В.Г.* Искусство древнего Ирана. М., 1977.
- Максименков, 1978. — *Максименков Г.А.* Андроновская культура на Енисее. Л., 1978.
- Мандельштам, 1964. — *Мандельштам А.М.* [Рец. на:] *Vanden Berghe L.* La necropole de Khurvin. — СЭ, 1964, № 4.
- Мандельштам, 1966. — *Мандельштам А.М.* Памятники степного круга эпохи бронзы на юге Средней Азии. — Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.-Л., 1966.
- Мандельштам, 1968. — *Мандельштам А.М.* Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. — МИА, № 145. Л., 1968.
- Маргулан, 1979. — *Маргулан А.Х.* Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. А.-А., 1979.
- Маргулан и др., 1966. — *Маргулан А.Х., Акишев К.А., Надирбаев М.К., Оразбаев А.М.* Древняя культура Центрального Казахстана. А.-А., 1966.
- Масимов, 1976. — *Масимов И.С.* Керамическое производство эпохи бронзы в Южном Туркменистане. Аш., 1976.
- Масимов, 1979. — *Масимов И.С.* Изучение памятников эпохи бронзы низовьев Мургаба. — СА, 1979, № 1.
- Массон, 1956. — *Массон В.М.* Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б.А.Куфтина. — ТЮТАКЭ. VII. Аш., 1956.
- Массон, 1959. — *Массон В.М.* Древнеземледельческая культура Маргианы. — МИА, № 73. М.-Л., 1959.

- Массон, 1971. — *Массон В.М.* Поселение Джейтун. Л., 1971.
- Массон, 1976. — *Массон В.М.* Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976.
- Матюшин, 1981. — *Матюшин Г.Н.* О характере экономики неолита и энеолита Южного Урала. — Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа, 1981.
- Медведская, 1977. — *Медведская И.Н.* Об "иранской" принадлежности серой керамики раннего железного века Ирана. — ВДИ. 1977, № 2.
- Медведская, 1978. — *Медведская И.Н.* Иран последней четверти II тыс. до н.э. Автореф. канд. дис. Л., 1978.
- Мелентьев, 1972. — *Мелентьев А.Н.* Разведка памятников древности в Западном Казахстане. — Поиски и раскопки в Казахстане. А.-А., 1972.
- Мелентьев, 1976. — *Мелентьев А.Н.* Памятники неолита северного Прикаспия. — Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976.
- Мерперт, 1966а. — *Мерперт Н.Я.* Этногенез в эпоху энеолита и бронзового века. — История СССР. Т.1. М., 1966.
- Мерперт, 1966б. — *Мерперт Н.Я.* О связях Северного Причерноморья и Балкан в раннем бронзовом веке. — КСИА. Вып.105. М., 1966.
- Мерперт, 1968. — *Мерперт Н.Я.* Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы. Автореф. докт. дис. М., 1968.
- Мерперт, 1974. — *Мерперт Н.Я.* Древнейшие скотоводы Волго-Уральского междуречья. М., 1974.
- Мерперт, 1980. — *Мерперт Н.Я.* Этнокультурные изменения на Балканах на рубеже энеолита и раннего бронзового века. — Античная балканистика. М., 1980.
- Миков, 1925. — *Миков В.* Происход на надгробните могили в България. — Годишник на народния музей в София. София, 1925.
- Мильков, 1951. — *Мильков Ф.Н.* Очерк физической географии Чкаловской обл. Чкалов, 1951.
- Мильков, 1964. — *Мильков Ф.Н.* Природные зоны СССР. М., 1964.
- Мильков, 1967. — *Мильков Ф.Н.* Основные проблемы физической географии СССР. М., 1967.
- Мирошина, 1977. — *Мирошина Т.В.* Об одном типе скифских головных уборов. — СА. 1977, № 3.
- Мовша, 1961. — *Мовша Т.Г.* О связях племен трипольской культуры со степными племенами медного века. — СА. 1961, № 2.
- Мордкович, 1982. — *Мордкович В.Г.* Степные экосистемы. Новосибирск, 1982.
- Нейштадт, 1957. — *Нейштадт М.И.* История лесов и палеогеография СССР в голоцене. М., 1957.
- Новикова, 1969. — *Новикова К.А.* Общепалтаские корневые морфемы в тунгусо-манчжурских наименованиях домашних животных. — Проблемы общности алтайских языков. Л., 1969.
- Оболдуева, 1955. — *Оболдуева Т.Г.* Погребения эпохи бронзы в Ташкентской области. — КСИИМК. Вып.59, 1955.
- О возникновении и развитии земледелия. М., 1967.
- Окладников, 1956. — *Окладников А.П.* Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении. — ТЮТАКЭ. VII. Аш., 1956.

- Оразбаев, 1970. — *Оразбаев А.М.* Поселение Чаглинка (Шагалалы). Некоторые формы и типы жилищ. — По следам древних культур Казахстана. А.-А., 1970.
- Оразбаев, 1972. — *Оразбаев А.М.* Колодцы на поселении Чаглинка (Шагалалы). — Поиски и раскопки в Казахстане. А.-А., 1972.
- Оранский, 1963. — *Оранский И.М.* Иранские языки. М., 1963.
- Оранский, 1979. — *Оранский И.М.* Иранские языки в историческом освещении. М., 1979.
- Пещерева, 1959. — *Пещерева Е.М.* Гончарное производство Средней Азии. М., 1959.
- Погрехова, 1977. — *Погрехова М.Н.* Иран и Закавказье в раннем железном веке. М., 1977.
- Поливанов, 1969. — *Поливанов Е.Д.* К вопросу о родственных отношениях корейского и алтайских языков. — Статьи по общему языкознанию. М., 1969.
- Попов и др., 1973. — *Попов С.А., Смирнов К.Ф.* Каменный молот-навершие из Оренбуржья. — Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.
- Потемкина, 1983. — *Потемкина Т.М.* Алакульская культура. — СА. 1983, № 2.
- Пряхин, 1976. — *Пряхин А.Д.* Поселения абашевской общности. Воронеж, 1976.
- Пряхин, 1977. — *Пряхин А.Д.* Погребальные абашевские памятники. Воронеж, 1977.
- Пьянкова, 1981. — *Пьянкова Л.Т.* Юго-западный Таджикистан в эпоху бронзы. — МАИКИА. I. М., 1981.
- Рамстед, 1957. — *Рамстед Г.* Введение в алтайское языкознание. М., 1957.
- Руденко, 1953. — *Руденко С.И.* Культура населения горного Алтая в скифское время. М.-Л., 1953.
- Рындина, 1971. — *Рындина Н.В.* Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы. М., 1971.
- Сальников, 1951. — *Сальников К.В.* Бронзовый век Южного Зауралья. — МИА, № 21, 1951.
- Сальников, 1967. — *Сальников К.В.* Очерк древней истории Южного Урала. М., 1967.
- Самсонов, 1963. — *Самсонов С.К.* Палеогеография Западной Туркмении в новокаспийское время. М., 1963.
- Сарианиди, 1972. — *Сарианиди В.И.* Раскопки Тилля-тепе в Северном Афганистане. М., 1972.
- Сарианиди, 1975. — *Сарианиди В.И.* Степные племена эпохи бронзы в Маргиане. — СА. 1975, № 2.
- Сарианиди, 1977. — *Сарианиди В.И.* Древние земледельцы Афганистана. М., 1977.
- Синюк, 1971. — *Синюк Т.А.* Памятники неолита и энеолита на Среднем Дону. Автореф. канд. дис. Воронеж, 1971.
- Синюк, 1979. — *Синюк Т.А.* У истоков древних скотоводческих культур лесостепного Дона. — Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, 1979.
- Синюк, 1980. — *Синюк Т.А.* Энеолит лесостепного Дона. — Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980.

- Смирнов, 1957а. — *Смирнов К.Ф.* О погребениях с коня и и трупосоже-
ниях эпохи бронзы в Нижнем Поволжье. — СА. XXVII, 1957.
- Смирнов, 1957б. — *Смирнов К.Ф.* Проблема происхождения ранних сарма-
тов. — СА. 1957, № 3.
- Смирнов, 1961. — *Смирнов К.Ф.* Археологические данные о древних
всадниках поволжско-уральских степей. — СА. 1961, №1.
- Смирнов, 1964. — *Смирнов К.Ф.* Савроматы. М., 1964.
- Смирнов и др., 1977. — *Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е.* Происхождение
индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.,
1977.
- Сорокин, 1962. — *Сорокин В.С.* Жилища поселения Тасты-Бутак. — КСИА.
Вып. 91, 1972.
- Сорокин, 1966. — *Сорокин В.С.* (ред.). Андроновская культура. Памят-
ники западных областей. — САИ, В 3-2. М.-Л., 1966.
- Сосновский, 1934. — *Сосновский Г.П.* Древнейшие шерстяные ткани Си-
бири. — ПИДО. 1934, № 2.
- Степанов, 1916. — *Степанов П.К.* История русской одежды. I. Пг.,
1916.
- Стоколос, 1983. — *Стоколос В.С.* Существовал ли новокумакский хроно-
логический горизонт? — СА. 1983, № 2.
- Телегин, 1968. — *Телегин Д.Я.* Дніпро-донецька культура. Київ, 1968.
- Телегин, 1973. — *Телегин Д.Я.* Середньо-стогівська культура епохи
міди. Київ, 1973.
- Толстов, 1948. — *Толстов С.П.* Древний Хорезм. М., 1948.
- Толстов, 1962. — *Толстов С.П.* По древним дельтам Окса и Яксарта.
М., 1962.
- Тревер, 1940. — *Тревер Н.В.* Серебряное навершие сасанидского штан-
дарты. — ТОВЗ. Т.3, Л., 1940.
- Трубачев, 1960. — *Трубачев О.Н.* Происхождение названий домашних
животных в славянских языках. М., 1960.
- Успанов, 1949. — *Успанов У.У.* Земельные ресурсы Западного Казахста-
на. — ВАН КазССР. 1949, №2.
- Федоров, 1957. — *Федоров П.В.* Стратиграфия четвертичных отложений
и история развития Каспийского моря. — ТИГАН. 1957, 10.
- Федорова-Давыдова, 1968. — *Федорова-Давыдова Э.А.* Племена Южного
Приуралья в эпоху бронзы. Автореф. канд. дис. М., 1968.
- Формозов, 1950. — *Формозов А.А.* К вопросу о происхождении андронов-
ской культуры. — КСИИМК. Вып. 39, 1950.
- Формозов, 1959. — *Формозов А.А.* Микролитические памятники азиатской
части СССР. — СА. 1959, № 2.
- Формозов, 1969. — *Формозов А.А.* Очерки по первобытному искусству.
М., 1969.
- Формозов, 1972. — *Формозов А.А.* К истории древнейшего скотоводства
на юге СССР. — ТМОИП. М., 1972, XLVIII.
- Формозов, 1977. — *Формозов А.А.* Проблемы этнокультурной истории ка-
менного века на территории Европейской части СССР. М., 1977.
- Фрай, 1972. — *Фрай Р.Н.* Наследие Ирана. М., 1972.
- Фрейденберг, 1936. — *Фрейденберг О.М.* Поэтика сюжета и жанра. Л.,
1936.
- Харматта, 1981. — *Харматта Я.* Протоиранцы и протоиндийцы в Централь-
ной Азии во II тысячелетии до н.э. (лингвистические данные). —
ЭПИЦАД. 1981.

- Хлопин, 1970а. — *Хлопин И.Н.* Проблемы происхождения культуры степной бронзы. — КСИА. Вып.122, 1970.
- Хлопин, 1970б. — *Хлопин И.Н.* Индоиранцы: земледельцы или скотоводы? — ВИ. 1970, № 10.
- Хлопин, 1970в. — *Хлопин И.Н.* Возникновение скотоводства и общественное разделение труда в первобытном обществе. — Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970.
- Цалкин, 1956. — *Цалкин В.И.* Предварительные результаты изучения фаунистического материала из раскопок Джебела. — ТЮТАКЭ. VII. Аш., 1956.
- Цалкин, 1970. — *Цалкин В.И.* Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М., 1970.
- Цалкин, 1972а. — *Цалкин В.И.* О времени и центрах происхождения домашних животных в свете данных современной археологии. — ИАН. СГ. 1972, № 1.
- Цалкин, 1972б. — *Цалкин В.И.* Фауна из раскопок андроновских памятников в Приуралье. — Основные проблемы териологии. М., 1972.
- Цховребов, 1973. — *Цховребов В.К.* Скотоводческая терминология в осетинском языке. Автореф.канд.дис. Тб., 1973.
- Чалая, 1973. — *Чалая Л.А.* Поздненеолитический инвентарь и хозяйство стоянки Иман-Бурлук. — Археологические исследования в Казахстане. А.-А., 1973.
- Чернецов, 1953. — *Чернецов В.Н.* Древняя история Нижнего Приобья. — МИА, № 35, 1953.
- Черников, 1957. — *Черников С.С.* Роль андроновской культуры в истории Средней Азии и Казахстана. — КСИЭ. Вып.26, 1957.
- Черников, 1960. — *Черников С.С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы. — МИА, № 88, 1960.
- Черных, 1966. — *Черных Е.Н.* История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966.
- Черных, 1970. — *Черных Е.Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970.
- Черных, 1976. — *Черных Е.Н.* Древняя металлообработка на юго-западе СССР. М., 1976.
- Черных, 1978. — *Черных Е.Н.* Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София, 1978.
- Чеченов и др., 1975. — *Чеченов Н.М., Батиев В.М.* Новые находки древнейших каменных стел в Кабардино-Балкарии. — V Крупновские чтения по археологии Кавказа. Махачкала, 1975.
- Чигуряева, 1960. — *Чигуряева А.А.* Растительность Заволжья эпохи бронзы. — МИА, № 78, 1960.
- Членова, 1980. — *Членова Н.Л.* О времени появления ираноязычного населения в Северном Причерноморье. — Античная балканистика. М., 1980.
- Членова, 1983. — *Членова Н.Л.* Предыстория "торгового пути Геродота". — СА. 1983, № 1.
- Шер, 1980. — *Шер Я.А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980.
- Шилов, 1975. — *Шилов В.П.* Модели скотоводческих хозяйств степных областей Евразии в эпоху энеолита и раннего бронзового века. — СА. 1975, № 1.

- Шнирельман, 1980. — Шнирельман В.А. Происхождение скотоводства. М., 1980.
- Шнитников, 1969. — Шнитников А.В. Внутривековая изменчивость общей увлажненности. Л., 1969.
- Щербак, 1961. — Щербак А.М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках. — Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961.
- Энеолит, 1980. — Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980.
- Эрдниева, 1975. — Эрдниева Э.У. Кавказ и Калмыцкая степь в эпоху бронзы. — V Крупновские чтения по археологии Кавказа. Махачкала, 1975.
- Янковская, 1956. — Янковская Н.Б. Некоторые вопросы экономики Ассирийской державы. — ВДИ. 1956, № 1.
- Яншин, 1961. — Яншин А.Л. Вопросы палеогеографии и новейшей тектоники Арало-Тургайской низменности. — Материалы Всесоюзного совещания по изучению четвертичного периода. Т.3. М., 1961.
- Bailey, 1955. — Bailey H. Ariana.—Donum Natalicium H.Nyberg Oblatum. Uppsala, 1955.
- Bailey, 1957. — Bailey H. A Problem of the Indo-Iranian Vocabulary. — Rocznik orientalistyczny. XXI. Warszawa, 1957.
- Bailey, 1958. — Bailey H. Languages of the Saka. — Handbuch der Orientalistik. I. Bd.IV. Leiden-Köln, 1958.
- Barrow, 1973. — Barrow T. The Proto-Indoaryans. — JRAS. 1973, № 2.
- Benveniste, 1932. — Benveniste E. Les classes sociales dans la tradition avestique. — JA. 1932, № 21.
- Benveniste, 1949. — Benveniste E. Noms d'animaux en indo-européen. — Bulletin de la Société de Linguistique. P., 1949. T.45. 1.
- Benveniste, 1955. — Benveniste E. Études sur quelques textes sogdiens chrétiens. — JA. 1955, t.243, fasc.3.
- Blegen, 1958. — Blegen C. Troy III. Settlement VII A, VII B, VIII. Vol.IV. Princeton, 1958.
- Bouda, 1956. — Bouda K. Dravidisch und Uralaltaisch. — Lingua. 1956, V, 2.
- Boyce, 1975. — Boyce M. A History of Zoroastrianism.I. Leiden-Köln, 1975.
- Bulliet, 1975. — Bulliet R. The Camel and the Wheel. Cambridge (Mass.), 1975.
- Cattena, Gardin, 1977. — Cattena A., Gardin J.-C. Diffusion comparée de quelques genres de poterie caractéristiques de l'époque achéménide sur le Plateau Iranien et en Asie Centrale. — Le Plateau Iranien et l'Asie Centrale des origines à la conquête islamique. P., 1977.
- Childe, 1951. — Childe G. The First Wagons and Carts from Tigris to the Severn. — PPS. XVII. L., 1951.
- Childe, 1954. — Childe G. The Diffusion of Wheeled Vehicles. — Ethnographischarchäologische Forschungen. B., 1954.
- Clutton Brock, 1981. — Clutton Brock J. Domesticated Animals from early Times. L., 1981.
- Comşa, 1976. — Comşa E. Considérations portant sur les tombes à ocre de la zone du Bas-Danube. — Istraživanja. V. Bucureşti, 1976.

- Contenau, Ghirshman, 1942. — *Contenau G., Ghirshman R.* Fouilles de Tepé Giyan. P., 1942.
- Coomaraswamy, 1942. — *Coomaraswamy A.* Horse-riding in the Ṛgveda and Atharvaveda. — JAOS. 1942, vol.62.
- Dalton, 1964. — *Dalton O.M.* The Treasure of the Oxus. L., 1964.
- Deshayes, 1969. — *Deshayes J.* New Evidence for the Indo-Europeans from the Tureng Tepe, Iran. — Archaeology. 1969, 22, №1.
- Domestication, 1969. — Domestication and Exploitation of Plants and Animals. L., 1969.
- Domestikationsforschung, 1973. — Domestikationsforschung und Geschichte der Haustiere. Budapest, 1973.
- Dutz, 1971. — *Dutz W.* Das Gebet des Königs. Teheran, 1971.
- Francfort H.-P., 1979. — *Francfort H.-P.* The Late Periods of Shortughai and the Problem of the Biskent Culture (Middle and Late Bronze Age in Bactria). — Southasian Archaeology. 1979.
- Francfort H., 1927. — *Francfort H.* Studies in Early Pottery of Near East. I. — Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. Occasional Papers. L., 1927.
- Ghirshman, 1938. — *Ghirshman R.* Fouilles de Sialk près de Kachan. P., 1938.
- Ghirshman, 1977. — *Ghirshman R.* L'Iran et la migration des indo-aryens et des iraniens. Leiden, 1977.
- Gimbutas, 1970. — *Gimbutas M.* Proto-Indo-European Culture. — Indo-European and Indo-Europeans. Philadelphia, 1970.
- Häusler, 1981. — *Häusler A.* Zur ältesten Geschichte von Rad und Wagen im nordpontischen Raum. — Ethnographisch-archäologische Zeitschrift. H.4, 1981.
- Hüttel, 1981. — *Hüttel H.-G.* Bronzezeitliche Trensen in Mittel- und Osteuropa. — Prähistorische Bronzefunde. XVI, 2. München, 1981.
- Jadin, 1963. — *Jadin Y.* The Art of Warfare in Biblical Lands. Jerusalem, 1963.
- Jettmar, 1956. — *Jettmar K.* Zur Wanderungsgeschichte der Iranier. — Die Wiener Schule der Völkerkunde 25-Jährigen Bestand. Wien, 1956.
- Kane, 1946. — *Kane P.* History of Dharmaśāstra. Poona, 1946.
- Klengel, 1962. — *Klengel H.* Zu einigen Problemen des altvorderasiatischen Nomadentums. — Archiv Orientalní. Praha, 1962, t.30,4.
- Kupper, 1957. — *Kupper J.-R.* Les nomades en Mesopotamie au temps des rois de Mari. P., 1957.
- Kuzmina, Winogradova, 1983. — *Kuzmina E.E., Winogradova N.M.* Beziehungen zwischen bronzezeitlichen Steppen- und Oasenkulturen in Mittel Asien. — Beiträge zur allgemeinen und vergleichenden Archäologie. München, 1983.
- Littleton, 1970. — *Littleton S.* Is the Kingship in Heaven Theme Indo-European? — Indo-European and Indo-Europeans. Philadelphia, 1970.
- Mayrhofer, 1966. — *Mayrhofer M.* Die Indo-arianer im Alten Vorderasien. Wiesbaden, 1966.
- Mayrhofer, 1974. — *Mayrhofer M.* Die Arier im Vorderen Orient — ein Mythos? Wien, 1974.

- Morgenstierne, 1973. — *Morgenstierne G.* Irano-Dardica. Wiesbaden, 1973.
- Otten, 1958. — *Otten H.* Hethitischen Totenrytualen. B., 1958.
- Piggott, 1969. — *Piggott S.* The Earliest Wheeled Vehicles and the Caucasian Evidence. — PPS. 1969, № 84.
- Rau, 1972. — *Rau W.* Topferei und Tongeschirr im vedischen Indien. Wiesbaden, 1972.
- Renou, 1939. — *Renou L.* La maison védique. — JA. 1939, octobre.
- Rye, Evans, 1976. — *Rye O., Evans C.* Traditional Pottery Techniques of Pakistan. — Smithsonian Contributions to Anthropology. № 21. Wash., 1976.
- Stacul, 1978. — *Stacul G.* Excavation at Bir-Kot-ghundai (Swat, Pakistan). — EW. 1978, № 1-2.
- Stein, 1912. — *Stein A.* Ruins of Desert Cathay. L., 1912.
- Walz, 1959. — *Walz R.* Akten des XXIV Internationalen Orientalisten Kongresses. Wiesbaden, 1959.
- Widengren, 1959. — *Widengren G.* The Sacral Kingship of Iran. — *Regalia Sacra.* Leiden, 1959.
- Young, 1965. — *Young T. Cuyler.* The Comparative Ceramic Chronology for Western Iran, 1500-500 B.C. — Iran. Vol.3. L., 1965.